

АЛЛА ЛЮБЧЕНКО

Наброски к портрету

Алла Любченко

Наброски к портрету

«Издательские решения»

Любченко А.

Наброски к портрету / А. Любченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900996-8

В сборнике рассказов Аллы Любченко «Наброски к портрету» описываются судьбы простых русских людей, на жизни которых так или иначе, прямо или косвенно отражаются события противоречивой и трагичной российской истории XX века. Рассказы написаны языком классической русской литературы, пропитаны чувством ностальгии, изобилуют красочными описаниями природы и увлекательными историческими очерками, которые повествуют о малоизвестных исторических фактах и открывают с новой стороны общеизвестные.

ISBN 978-5-44-900996-8

© Любченко А.
© Издательские решения

Содержание

Наброски к портрету	6
Эшелон	27
Прыжок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наброски к портрету

Алла Любченко

© Алла Любченко, 2017

ISBN 978-5-4490-0996-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наброски к портрету (почти детективная история)

Жизнь большого города жадно поглощала время. В круговороте дней, похожих друг на друга, воспоминания, связанные с недавним отдыхом, не то чтобы забылись, они как-то потускнели, оказавшись заваленными грудой неотложных повседневных дел. Их накопилось немало за время отсутствия Ольги на работе.

Свой очередной отпуск Оля провела вдали от унылых дождей и шумной суеты мегаполиса в небольшом греческом городке, отесненном к заливу горами, покрытыми лесом. Девушка поселилась в отеле на набережной. С балкона гостиничного номера открывалась радующая глаза панорама залива, соединявшегося у сине-бирюзовой кромки горизонта с морем. По утрам Ольгу будил шум набегавших на берег волн, а вечерами она подолгу любовалась медленно тонущим в морской глади солнцем, которое окрашивало небо и воду всеми оттенками золота и пурпура. От светила к берегу бежала по воде светящаяся дорожка, обрывающаяся в легкой прибрежной волне.

Однажды, лежа на пляжном шезлонге, Ольга привычно вслушивалась в тихий плеск волн, который вместе с ласковым предвечерним солнцем настолько расслабил девушку, что она невольно поддавалась легкой дреме. Проснуться ее заставила компания молодых людей, расположившихся рядом. Два парня и девушка о чем-то оживленно разговаривали по-русски. Поймав взгляд Оли, девушка улыбнулась ей, как доброй знакомой.

– Мне кажется, Вы из России, давайте знакомиться. Меня зовут Таисия, можно просто Тая. – А я, – Оля.

– Очень приятно, – рассмеялась Тая, сверкнув белозубой улыбкой на загорелом лице. – Кареглазый парень у нас – Артем, а светлый и вихрастый – Саша. – Артем, повернувшись к Ольге, улыбнулся, а Саша, приглаживая руками русые, мокрые после купания волосы, задорно подмигнул ей.

– Судя по загару, вы отдыхаете здесь давно, – сделала вывод Ольга, окинув взглядом дружелюбно настроенную компанию. – Наверное, объездили побережье вдоль и поперек?

– Да, за две недели успели побывать на Пелопоннесе и в лучших местах материковой Греции, – поддержал разговор Артем. Он был в меру высок, мускулист и выглядел лет на тридцать. Чуть насмешливые внимательные глаза его с интересом скользнули по фигуре Оли. – Мы брали машину напрокат, – пояснил он. – Поэтому успели посмотреть почти всю Грецию.

– С удовольствием включили бы Вас в свой небольшой коллектив, да жаль, завтра улетаем, – засмеялся Саша, шутливо надвигая бейсболку на глаза рядом стоящей Тае. Поговорив еще немного с новыми пляжными знакомыми, Ольга поспешила в отель на ужин.

Утром она проснулась раньше обычного. Солнце еще пряталось за крышами домов, но уже обещало знойный день. Быстро одевшись, девушка спустилась в столовую. С удовольствием съела греческий творог, похожий на густую сметану, выпила крепкий кофе, сваренный в кофеварке. Очень понравился ей пахнувший апельсиновой коркой джем. После завтрака Ольга отправилась на пляж. Лежак, на котором она вчера отдыхала, оказался свободным, рядом места пустовали.

«Ребята, наверное, искупались рано утром, как планировали, и уехали», – вздохнула Оля, вспомнив черноволосого Артема. Ей запомнились его внимательные глаза, сдержанная улыбка, трогающая мягко очерченные губы, подтянутая спортивная фигура.

Проплавав минут двадцать и выйдя на берег, Ольга подставила спину утренним лучам солнца. Она долго всматривалась в море, потом ее взгляд заскользил по прибрежной гальке и вдруг задержался на предмете, застрявшем между двумя умытыми водой камешками. Подойдя поближе, Оля заметила женское кольцо с изумрудом. Оно выглядело великолепно, и было, несомненно, ценным. Девушка вспомнила, что видела такое же на пальце новой знакомой. Вероятно, оно было потеряно Таей сегодня утром после купания в море.

Оля решила зайти в отель, где до отъезда обитали ребята. Из вчерашнего разговора с ними ей было известно, что Таисия живет с родителями где-то в Кунцево, ее брат Артем – в районе Беговой, а Саша родом из Одинцова.

До отеля добралась быстро, он находился недалеко от пляжа. Поздоровавшись с девушкой, дежурившей на ресепшене, поинтересовалась, когда покинули отель молодые люди из Москвы. Оказалось, что туристы уехали в аэропорт рано утром на такси, заказанном накануне. Более подробные сведения о москвичах черноволосая красавица дать отказалась.

«Поисками хозяйки кольца придется заняться после возвращения домой, – подумала Оля. – Разыщу Таю и отдам ей находку».

В Москву она вернулась пасмурным июньским днем. Самолет удачно приземлился в Домодедово, а экспресс довез до станции метро «Павелецкая». От «Павелецкой» до «Киевской» – рукой подать. Багаж у девушки был небольшой – чемодан с летней одеждой да сумка с сувенирами через плечо. Выйдя из метро и почувствовав на лице прохладный московский воздух, Оля поняла, что она дома. Осталось только пройти несколько сотен метров между домами через уютные дворы, спрятанные за высотными зданиями, что выстроились вдоль проспекта.

Ольга работала экономистом в проектном институте, куда ее устроили сразу после окончания университета по протекции давней приятельницы мамы. Проработав несколько лет на одном месте, девушка притерпелась к начальству, завела себе подруг, поладила с недоброжелателями, то есть, как говорят, прижилась. Этому в определенной мере способствовала внешность Ольги, любившей неброско, но модно одеться, ее стройная фигурка, большие, теплые темно-карие глаза и открытая приятная улыбка, вызывающая симпатию у людей, которые общались с ней.

Оля выросла без отца. Он оставил семью, когда девочке было четыре года.

– Променял нас с тобой на других, – сказала однажды мама. Она не любила вспоминать о бывшем муже, в ней всю жизнь жили горечь и обида, причиненные им.

Уходил он из семьи тяжело, старался перетащить в свое новое жилище лучшее из того, что было нажито совместно. Уходил навсегда и своим поведением рвал остатки чувств, связывавших его с семьей. Правда, алименты по почте присылал исправно. За годы взросления дочери он ни разу не позвонил, не поинтересовался, что с ней, здорова ли она и как живет. Позже Оля поняла, что забота о ней была обременительна для отца, вносила диссонанс в его жизнь, требовала лишних физических, моральных и материальных затрат и доставляла досадные хлопоты.

Мать Ольги, Анна Евгеньевна, технарь по образованию, чтобы быть поближе к ребенку, ушла из престижного НИИ, где работала инженером, и устроилась в школу преподавать химию. Все одиннадцать школьных лет Оли прошли под ее неусыпным контролем. Неудачный брак и последующие за ним жизненные трудности привели к тому, что Анна Евгеньевна, будучи еще молодой и очень привлекательной женщиной, перестала вообще доверять мужчинам.

– «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться», – любила она повторять слова шекспировского героя. Мать умело носила удобную и красивую одежду, обувь, тщательно следила за своим лицом. Но все косметические ухищрения и усилия

по подбору гардероба не были связаны с желанием понравиться мужчинам. Они были необходимы Анне Евгеньевне для поднятия и укрепления своей личной самооценки. В ней как-то смогли ужиться два человека: деловая, иногда властная Анна Евгеньевна на работе и заботливая, уставшая за день мама дома. Анна Евгеньевна ненавязчиво научила Олю любить то, что любила сама. Она любила театр и приучила Ольгу ходить на театральные спектакли. Покупала себе и дочери абонементы в консерваторию. Позже, повзрослев, Оля любовалась с мамой красотами Парижа, Праги и Италии. С годами между ними установилась прочная связь не только кровного, но и духовного родства.

Отсутствие в доме мужчины сказалось на характере Ольги, она настороженно относилась к людям противоположного пола. Это не мешало ей долгое время в школьные годы пребывать в состоянии влюбленности. Оле очень нравился мальчик из параллельного класса – Юра Малютин. Они вместе бегали в кино, иногда возвращались вдвоем из школы. При встрече он обычно извлекал из своего кармана, в зависимости от времени года, то конфету, то пару слив. Оля до сих пор помнит, как однажды летом он порадовал ее вишнями. Смеясь, заглянул в глаза и протянул на ладони сочные спелые ягоды, красиво уложенные на зеленом листе.

Воспоминания о вишнях и сияющих глазах Юры согревали Олю всю ее жизнь. Она тайно ревновала Юру к другим девчонкам, переживала, когда видела, как легко и весело он общается с ними, и плакала тайком, всем нутром своим интуитивно сознавая, что его отношение к ней когда-либо изменится. Так и случилось. Незадолго до окончания школы Оля увидела Юру в троллейбусе с молодой женщиной. Поглощенный беседой со своей спутницей, он не заметил Олю. По тому, как рука Юры коснулась плеча этой женщины, а потом заботливо поддержала ее локоть, Ольге стало ясно, что этих людей связывают далеко не дружеские отношения.

– Так тебе и надо, – с горечью подумала о себе Оля. – Оставайся одна со своими глупыми принципами.

С этого памятного дня она, став задумчивой и немногословной, осталась для Юры подружкой, которую при встрече можно весело чмокнуть в щечку и спросить, как идут у нее дела.

Следующая любовная история приключилась с Олей уже после окончания университета. Однажды к ним в отдел заглянул мужчина. Весело поздоровавшись, он обвел глазами присутствующих в комнате людей и задержал свой взгляд на Ольге.

– Новенькая? Поздравляю вас с пополнением коллектива. Ну а на новенькой я обязательно женюсь! – пошутил он. – Степан Петрович у себя?

– Да, он ждет Вас, Максим Владимирович, зайдите к нему, – смеясь, ответила секретарь начальника Марина, забежавшая к ним в комнату поболтать.

– Кто это собрался на мне жениться? – Оля с недоумением посмотрела на Марину. – Ну и шуточки!

– Это Максим Волошин, заказчик. Его фирма участвует в одном из проектов нашего института.

– Так он владелец фирмы? – спросила Оля.

– Нет, гендиректор.

Волошин бывал в институте довольно часто. Каждый раз, решив свои дела, он заходил в кабинет, где работала Ольга, и находил предлог для легкой и беспредметной беседы с ней. Ольга привыкла к его посещениям. Они не тяготили ее, скорее наоборот – вносили разнообразие в нудный распорядок рабочего дня. Высокий, склонный к легкой полноте, Максим нравился девушке. Ей приятно было неназойливое ухаживание этого сорокалетнего мужчины, лукавый прищур выразительных серых глаз, шуточные комплименты, которыми он одаривал Олю при встречах.

Однажды он пригласил ее поужинать в ресторане, сославшись на то, что именно с ней ему хочется отметить важное событие – дату своего второго рождения. Оля согласилась. Заужи-

ном она узнала о Волошине много нового. Он рассказал, что воевал в Чечне, был тяжело ранен и остался жив благодаря другу, нашедшему его без сознания на месте затихшего боя. Придя в себя в палате военного госпиталя, Максим понял, что чудом выжил, и сегодняшний день – день его второго рождения. Ранение оказалось столь тяжелым, что Максима комиссовали из армии. После выхода на гражданку Волошин занялся своим образованием, позже – бизнесом и в последнем сильно преуспел. Семейой он так и не обзавелся.

Встречи с Максимом вне института стали для Ольги необходимыми. Она мучительно проводила дни, прожитые без него. Встречались у Волошина на Ордынке, в квартире, доставшейся ему в наследство от родителей и сохранившей по сей день предметы быта этих ушедших из жизни людей. Волошин по несколько раз в неделю бывал в доме Ольги. Приходил он обычно после работы с гостинцем к чаю, много курил, вел неспешный разговор с хозяйками и, простившись, убывал ближе к полуночи на своей темно-синей «Мазде».

С приходом весны Оля с Максимом начали чаще выезжать на природу. Они подолгу бродили в молодом весеннем лесу, гуляли берегом ожившей после зимней спячки реки, иногда ночевали у Оли на даче. Летом собирали ведрами грибы в мокром перелеске, ездили на рыбалку. На машине добирались до Осташкова, затоваривались в городке продуктами и ехали дальше к Селигеру в летний, еще не обжитой бревенчатый дом Волошина, недавно построенный им у озера.

Максим завел дружбу с местными рыбаками и с утра до вечера пропадал на озере. Поначалу он пытался прирастить к рыбалке Ольгу, но затея не удалась. Ольга оставалась дома одна. Помыв посуду и устранив утренний беспорядок в комнатах, она выходила на крыльцо, с которого подолгу любовалась озерной гладью и темными кронами высоких сосен на берегу. Потом не спеша готовила обед и ждала прихода Максима. Он возвращался под вечер с уловом, промокший, счастливо улыбающийся. Быстро обедал, нахваливая нехитрую стряпню Оли, а после обеда садился на высушенные за день сосновые доски, сложенные у дома, и сквозь сизый дымок выкуренных сигарет наслаждался видом озера, окрашенного в цвета заходящего солнца.

Волошин познакомил Ольгу со своими коллегами по бизнесу. Это были состоятельные, но простые в общении люди, тепло принявшие Олю в свой круг. За столом с обильным угощением велись беседы о детях, работе, хозяйских делах и биржевых новостях. Потом мужчины переходили в кабинет хозяина или бильярдную комнату, а женщины полушутя-полусерьезно начинали комментировать события из жизни своих общих знакомых.

Оле понравилась Даша, жена фронтowego друга Максима. Радужная, очень подвижная, она без устали хлопотала по дому. Угощала вкусными пирогами, шашлыком, приготовленным на мангале, умело нарезанными салатами. Видно было, что Николаю, ее мужу, доставляет удовольствие подчиняться веселым приказам жены.

– Сейчас, мать! Не торопись! Все будет сделано, мать! – звучал его добродушный голос из разных уголков сада.

Как-то раз, возвращаясь в Москву из Протвино, где находился загородный дом Николая и Даши, Оля завела разговор о хозяйке.

– А что тебе мешает быть такой же? – удивился Волошин. – Вари борщи, пеки пироги, строгай салаты.

– Я никогда не буду такой, как Даша, я другая. У меня нет ее жизненного опыта. К тому же она мужняя жена, а я тебе кто?

– Ты моя любимая женщина.

– Сколько же мне ходить в любимых женщинах? Пока не покроюсь морщинами и не закончится мой детородный возраст?

– До всего этого еще надо дожить, – рассмеялся Максим, явно желая обратить разговор в шутку. – По крайней мере, сейчас я жениться не собираюсь. – Он быстро перескочил на дру-

гую тему, заговорил о работе, о том, что хотел бы порыбачить с Ольгой где-нибудь на Камчатке. К вопросу о замужестве они больше не возвращались. Однако Оля об отношении Максима к женитьбе не забыла и часто задавала себе вопросы: что же не так? Чем она как жена не устраивает его? Может быть, он думает, что другая могла бы любить его больше? Или его пугает большая разница в возрасте? Знал, ведь, на что шел.

Оля понимала, что фронтовая жизнь, тяжелое ранение, борьба за выживание в бизнесе повлияли на характер Волошина. Но с ней он мягкий, ласковый, даже уступчивый. Правда, она стала замечать нотки раздражения в его голосе. В чем же дело? Олю пугали возможные изменения в отношениях с Волошиным. Она боялась, что их встречи утратят новизну, станут привычными. Теперь после свиданий с Максимом она возвращалась домой без прежнего блеска в глазах, в них часто проскальзывало недоумение.

Перемены, произошедшие с Олей, заметили окружающие ее люди. Пожилая вездесущая Светлана Петровна, обсуждавшая с ней вопросы, связанные с расходом бюджета, после очередного визита Волошина бросила фразу:

– Вот собака на сене! Сам не гам и другому не дам!

Ольга поняла ее и обиделась за Максима. Заметила изменения в настроении дочери и Анна Евгеньевна.

– Ты сегодня скучная какая-то. Что-то с Максимом?

– Нет, мама, все по-старому, – ответила Оля, наблюдая в окно за шумной игрой дворовой детворы на детской площадке.

– Не заглядывайся на чужих детей, своих пора заводить. Если б ты знала, как хочется мне повозиться с внуками. Максим по этому поводу планов не строит?

– О каких детях, мама, может идти речь, когда Волошин даже жениться на мне не хочет?

– Вот те раз! Что же ему надо? Не мальчик, уже виски седые! Годы-то проходят! Моя судьба не сложилась, так я думала, хоть ты у меня счастливой будешь. Я поговорю с ним.

– Мама, я не хочу, чтобы ты вмешивалась в наши с ним отношения. Я все решу сама.

Но Анна Евгеньевна вмешалась. Отправив Олю под каким-то предлогом с ночевкой на дачу, она пригласила Волошина на ужин. Отведав тушеного кролика, Максим похвалил хозяйку и пристально посмотрел ей в глаза.

– Я понял, что пригласили, Анна Евгеньевна, Вы меня не просто так. Оля, наверное, даже не догадывается о моем приходе.

– Совершенно верно, Максим Владимирович! Вы умный человек и очень мне нравитесь. Оля запретила вмешиваться в ваши с ней отношения, но я как мать решила высказать Вам свое мнение относительно них. После знакомства с Вами у Оли оборвались связи со сверстниками. В их компании Вам было неловко. Друзья ее конфузились и вели себя не совсем естественно при Вас. Среди Ваших друзей и знакомых Ольга, как мне кажется, чувствует себя одинокой, так как они не подходят ей ни по возрасту, ни по интересам. Если через несколько лет ваши отношения по какой-либо причине прекратят свое существование, она останется совсем одна, без мужа, без друзей, со старой матерью. А я бы хотела, чтобы у моей дочери была крепкая семья: любящий муж и здоровые дети. Что мешает Вам жениться на Ольге, Максим? Вы любите ее?

– Да, люблю. – Максим внимательно и серьезно посмотрел на Анну Евгеньевну. – Вы разрешите закурить?

– Конечно, пожалуйста. – Анна Евгеньевна подала Максиму небольшую хрустальную пепельницу, которая привычно стояла на журнальном столике еще со времен ее молодости.

– Я не мальчик, – продолжал Волошин после недолгой паузы. – В бизнесе мне приходится просчитывать варианты на много ходов вперед. Я дорожу Ольгой, нам хорошо вместе, но жениться на ней пока не хочу. Люди создают семью для того, чтобы совместно растить детей. Детей у меня нет, и не будет. Причиной тому ранение, полученное в Чечне.

– Оля знает об этом?

– О ранении ей известно, а о моей неспособности иметь детей – нет. Мне тяжело говорить с ней на эту тему.

– Максим, дорогой, не обижайтесь на меня. Оля еще молода и неопытна. Рано или поздно ей захочется стать матерью. Когда Вы состаритесь, она будет в расцвете сил, и связь с Вами, основанная на привычке и жалости, станет для нее обузой. Вам нужна ее жалость, Максим? Отпустите ее сейчас. Вы умный и симпатичный мужчина, легко найдете себе другую женщину, а Оля, если Бог даст, переболев Вами, снова наладит свою жизнь.

Ольга так и не узнала ни о визите Волошина к ее матери, ни о тяжелом разговоре, так круто изменившем ее жизнь. Однажды, позвонив по телефону, он сообщил ей, что уезжает по делам фирмы в длительную командировку за границу, и, пожелав Ольге счастья, пропал. Связь между ними, казавшаяся такой прочной и тесной, быстро и неожиданно оборвалась. Через много лет от кого-то из общих приятелей Ольга узнала, что Волошин женился на своей давней знакомой и усыновил ее ребенка.

Стояла середина августа. Дожди неожиданно сменились жарой. Лето, не желая уступать место надвигающейся осени, пыталось задержаться в зеленой листве, в безоблачном голубом небе и в легком душевном настрое горожан, чутко реагирующих на погоду. В конце рабочей недели, спасаясь от летнего зноя, москвичи устремились за город. Дороги, ведущие из Москвы в область, были до отказа забиты машинами.

Анна Евгеньевна уговорила Ольгу провести выходные на даче. Их «Форд», недавно побывавший в ремонте, был готов к поездке. Однако чтобы избежать заторов на дороге, мать с дочерью решили ехать на электричке.

Дачный дом встретил тишиной и пахучей свежестью вечернего сада. Было как раз то время суток, когда сад и цветник, отдыхая после жаркого дня, отдавали остывающему воздуху накопленные за день флюиды. Оля с удовольствием полила кусты роз и пионов, полюбовалась разноцветием бегоний, флоксов и бархатцев, погладила круглые бока желтых тыкв. Напоила водой грядку огурцов и несколько рядов клубники. Ну, кажется, все утолили жажду, можно отдохнуть.

Сидеть без дела не хотелось. Взгляд задержался на дорожной сумке, оставленной на стуле. Где-то в ее недрах лежала книга в мягкой обложке, которую Оля читала в электричке. Перебирая содержимое сумки в поисках книги, девушка нашла небольшую прореху в подкладке и обнаружила прятанное под ней кольцо.

– Боже мой, держу у себя почти два месяца чужую вещь. Как я могла забыть о кольце?

Она стала обдумывать план действий по розыску хозяйки кольца и, наконец, решила позвонить своему бывшему однокласснику Мише Беспалову, который уже много лет работал с компьютерами и досконально знал свое дело. Оля попросила его найти в базе компьютера список всех Таисий, проживающих в Кунцеве, их адреса и номера телефонов. Михаил пообещал заняться этим и уже через несколько дней сообщить о результате.

Свое обещание он сдержал. Ольга получила по электронной почте координаты жительниц Кунцевского района города Москвы, носящих имя Таисия. Из списка она удалила тех, чей возраст не соответствовал возрасту Таи. У нее осталась примерно четверть имен, и дальше Оля стала планомерно обзванивать всех, интересуясь, кто из них отдыхал в начале июня в Греции. Ей повезло, – будь имя более популярным, поиски продлились бы значительно дольше.

В один из субботних дней, предварительно договорившись по телефону о встрече, Ольга поехала к Таисии домой. Дверь открыла пожилая женщина и, приветливо улыбнувшись, пригласила девушку зайти в квартиру.

– Проходите в гостиную, садитесь, Таечка сейчас выйдет к Вам.

Ольга прошла в просторную комнату с высокими потолками, села на мягкий стул перед овальным столом, покрытым пестрой скатертью, и стала ждать. Тая появилась через несколько минут.

– Здравствуй, Оленька. Я рада тебя видеть. – Девушка обняла гостью. – Как тебе удалось разыскать меня в таком большом городе?

– Это не составило труда. У тебя редкое имя. К тому же мне был известен район, в котором ты живешь. – Оля передала свою находку Тае.

– Да, действительно мое колечко, спасибо. Его подарила мне Маша. – Таисия надела кольцо на безымянный палец.

Ольга обратила внимание на осунувшееся лицо собеседницы и печаль, затаившуюся в глубине ее глаз.

– У тебя неприятности? – спросила она девушку. – В Греции ты показалась мне такой жизнерадостной!

– У нас горе, полтора месяца назад умерла Маша, наша с Артемом сводная сестра. Мы росли вместе. Семья еще не оправилась от свалившейся на нее беды. Очень жалко Машу, душа разрывается, когда думаю о племяннике, оставшемся без матери.

– Что с ней случилось? Отчего она умерла?

– Ее сбила машина. Поведение Маши незадолго до смерти было каким-то странным, она как бы предчувствовала кончину. И сама смерть до того нелепа, трудно поверить в случайность происшедшего.

– А что говорят в полиции?

– Факт смерти установили, тело выдали родственникам, водителя и машину ищут. Сколько будут искать – неизвестно, да и найдут ли? Артем пытается вести поиски сам, но я сомневаюсь, что ему удастся кого-либо разыскать. Ну, все, хватит о грустном! Олечка, давай пить чай. Мы с мамой испекли наш фирменный рулет. Я думаю, он тебе понравится.

Рулет действительно получился отменным. Потом на столе появились яблочный пай и вишневое варенье. Неожиданно, заставив Олю вздрогнуть, раздалась трель звонка входной двери. Из прихожей стали доноситься приглушенные голоса, и когда они смолкли, в комнату вошел Артем. При виде Оли в глазах его блеснул озорной огонек.

– Какая гостья в нашем доме! Здравствуйте! Рад встрече! Помню Вас на пляже в купальнике. Вы тогда выглядели так, что глазам становилось больно.

– Вот как! – рассмеялась Ольга, внимательно посмотрев на Артема. – Мне тоже приятно Вас видеть.

– Где Митя? – спросила Тая брата. – Вы с ним уже нагулялись?

– Митю бабушка кормит на кухне. Мне можно посидеть с вами?

– Садись, выпей чаю, попробуй рулет, яблочный пирог. – Таисия налила брату в чашку круто заваренный чай и подвинула ближе к нему тарелку с нарезанной выпечкой.

Разговор за столом настолько увлек Артема и Олю, что молодые люди незаметно для себя перешли на «ты». В уютной гостиной новых друзей Ольга чувствовала себя как дома: легко, раскованно и непринужденно. Уходить не хотелось, но надо было, как говорят, знать меру. Артем, проводивший гостью до машины, попросил номер ее телефона, а Ольга, прощаясь с ним, подумала, что его звонок был бы ей очень приятен.

Позвонил Артем Ивлев лишь в пятницу вечером. Говорили обо всем, переходя от темы к теме: об Олиной работе и спортивных увлечениях Артема, об открытии нового театрального сезона и успехах Анны Евгеньевны в выращивании цветов, о музыкальных уроках Таи и забавных вопросах, задаваемых не в меру любопытным Митей. Заговорив о Мите, вспомнили бедную Машу.

– Я завтра поеду в деревню, где Маша прожила два месяца, поспрашиваю о ней у людей. Может, что-либо прояснится в ее истории?

– Возьми меня с собой, – попросила Оля Артема.

– Хорошо, завтра утром я за тобой заеду. В восемь часов не будет рано? Диктуй адрес.

Утром следующего дня молодые люди выехали из Москвы, путь их лежал в деревню Лебедеянка соседней губернии.

– Как Маша оказалась в этой деревне? Что заставило самодостаточную городскую женщину так круто изменить свою жизнь? – невольно задала вопросы Оля.

– Характер и судьба, – лаконично ответил Ивлев и, глядя на трассу, по которой они мчались, рассказал Оле о непростых перипетиях Машиной жизни.

Мать Маши Юлия умерла совсем молодой, оставив пятилетнюю дочь на руках у оглушенного ее смертью мужа. Андрей Петрович, отец Машеньки, прохаживая два года вдовцом, женился на доброй и очень симпатичной Ирочке, незадолго до замужества окончившей медицинский вуз. Вторая жена Андрея Петровича через год после свадьбы родила ему сына Артема, а спустя семь лет в семье появился еще один ребенок – девочка, получившая в честь своей бабушки по материнской линии древнее имя Таисия.

Ирина Александровна очень жалела и любила Машу. Однако младшие Артем и Тая, требовавшие в силу своего возраста большего внимания, и работа на полставки в поликлинике отнимали у нее много физических сил. Андрей Петрович старался помогать жене – ходил за продуктами, гулял с детьми, по воскресеньям пылесосил ковры и мебель. Основная же тяжесть семейных хлопот лежала на узких плечах Ирины Александровны.

Вероятно, Маше недостаточно было материнского тепла и ласки. К тому же, как любой нормальный ребенок, она ревновала Иру к ее родным детям. Сложное чувство к мачехе, замешанное на любви, ревности и недовольстве, не мешало Маше любить брата и сестру, придумывать забавные игры и быть заводилой в их маленьком детском содружестве.

Однако это же чувство в подростковом возрасте сыграло в жизни Маши злую роль. Неприятности начались в десятом классе. Девочка стала вдруг хуже учиться, поздно приходит домой, дерзить отцу и матери.

– Как вы все достали меня своими нравоучениями! Скорей бы окончить школу и уйти от вас! – бросила она однажды в лицо ошеломленным родителям фразу, выдавшую ее жизненные планы.

Ирина Александровна с мужем узнали, что Маша часто появляется в шумной компании, половина членов которой состоит на учете в детской комнате милиции.

– Только бы не подседа на наркотики, – боялась за дочь Ирина. Она понимала, что внутренний стержень, присутствующий в Маше, не позволит ей воровать, но алкоголь и наркотики могут разрушить неустойчивую психику и здоровье девочки. Борьба за Машу велась все последние два года ее пребывания в школе.

После окончания школы Маша, резко оборвав связи с семьей, ушла из дома, поступила в институт и поселилась в общежитии при нем. Неожиданно для всех, проучившись четыре года в вузе, она удачно, как тогда казалось, вышла замуж за своего уже убеленного сединой преподавателя.

Став замужней женщиной, Маша очень изменилась. Пересмотрела свои революционные взгляды, рожденные усилиями юношеского максимализма. Сменила подростковый прикид на дорогую одежду с известными лейблами. Став мягче и женственней, жила теперь интересами мужа, довольная своим тихим семейным счастьем. Жизнь Маши омрачалась отсутствием у супругов детей. Константин Эдуардович, ее муж, очень хотел ребенка. Начались походы по докторам, консультации у лучших специалистов. Лечение дало результат, и Маша в тридцать лет родила своего Митю. Вся жизнь ее теперь была подчинена заботам о ребенке. Поглощенная воспитанием сына и борьбой за его здоровье, Мария упустила мужа.

Константин Эдуардович вступил в тот мужской возраст, когда «море по колено», «седина в бороду, а бес в ребро». Бесом этим оказалась Эльвира, молодая незамужняя женщина, успевшая за свой короткий век пройти огонь, воду и медные трубы. Смелая в общении с мужчинами, умеющая профессионально удовлетворить сексуальные слабости сильного пола, Эльвира быстро прибрала Константина Эдуардовича к рукам и направила коготки своих цепких и хватких пальчиков на Машу, мешавшую ей двигаться к желаемой цели. Константин Эдуардович был лакомым куском для Эльвиры. Он ушел из института в бизнес и возглавлял теперь крупную компанию, занимающуюся строительством и продажей недвижимости. У него с избытком хватало денег на содержание жены с сыном и любовницы. Положение любовницы Эльвиру не устраивало. Ей хотелось быть хозяйкой в большом загородном доме Константина Эдуардовича, властвовать в его богатой московской квартире, а не ютиться в съемной, предназначенной для их свиданий. Хотелось распорядиться банковскими счетами любовника. На пути будущего грандиозного жизненного успеха Эльвиры стояла Маша. С ней надо было что-то делать, и Эльвира нашла выход. Она попросила своего приятеля попугать соперницу. Затравить, как она сказала, ее так, чтобы та своей тени боялась. С запуганной, надломленной психически женщиной легче бороться, а там и до желаемого замужества рукой подать.

Маша знала Эльвиру, они иногда встречались у общих знакомых. Она догадывалась о связи мужа с этой женщиной, однако молчала, жалея ребенка и полагая, что ее открытый протест приведет к полному разрыву отношений с супругом.

Приятель Эльвиры установил за Машей профессиональную слежку, звонил по телефону с угрозами, иногда просто подолгу молчал в трубку. Порой он делал так, чтобы Маша чувствовала и замечала его наблюдение. Во время отсутствия Константина Эдуардовича преследователь по ночам звонил и стучал в запертые двери, пугая женщину и ребенка. Маша пробовала жаловаться мужу, но он либо отмалчивался, либо отделялся словами:

– Выбрось из головы эту чушь, Машенька, сходи к психотерапевту, подлечись. У тебя нервишки стали шалить.

Константин Эдуардович не был осведомлен о происках и планах Эльвиры. Жена, ставшая вдруг какой-то жалкой, издерганной, нервной и испуганной, постоянно раздражала его. Все чаще между ними вспыхивали ссоры. В гневе он кричал, что устал от нытья Маши, выгонял ее из дома, говорил, что никогда не отдаст такой матери, как она, своего ребенка и будет воспитывать сына сам. Но и здесь Эльвира исподволь исправила ситуацию и направила процесс так, чтобы извлечь из него для себя пользу. Она не хотела заполучить в довесок к Константину Эдуардовичу чужого ребенка и стала убеждать любовника в том, что Мите лучше будет жить с матерью, пусть даже такой непутевой, как Маша.

Мария понимала, что причина всех ее бед – Эльвира. Соперница организовала травлю, настраивает против нее мужа, пытается выжить из семьи. Первой подать на развод, думала Маша, значит сразу отказаться от Константина и всего, что нажито с ним. Именно этого хочет Эльвира. Соппротивление козням Эльвиры, полагала Маша, может привести к тому, что ее принудят лечь в больницу, объявив психически больной, и отберут у нее ребенка. Сознывая безвыходность своего положения, Мария решилась на отчаянный шаг. Она привезла сына в семью отца, оставила Митю с бабушкой и дедушкой, а сама уехала в глухую деревню, чтобы там, в деревенской тиши, отсидеться, отдохнуть от травли и дрызг, привести в порядок свое здоровье.

Уходила от мужа налегке, взяв с собой только одежду для себя и Мити, свои банковские карты и дарственную бумагу, заверенную нотариусом и подписанную ею же. В документе черным по белому было написано, что она передает в дар сыну доставшуюся ей по наследству картину художника Ивана Даниловича Зарянка «Портрет неизвестной», написанную маслом на холсте размером 55 на 40 сантиметров, и шкатулку с драгоценностями, перечень которых прилагается. Полновластным хозяином картины и содержимого шкатулки Дмитрий может

стать после достижения совершеннолетия. До этого срока картиной и драгоценностями владеют ее родной отец и приемная мать. Этот документ вместе с синей папкой, в которой он лежал, Маша отдала на хранение Ирине Александровне.

Ольга, внимательно слушая Артема, смотрела на его лицо, каждая линия которого была любовно прорисована природой. В разлете густых черных бровей, прямом носе, крутом изгибе подбородка с небольшой ямочкой чувствовалась длительная генетическая работа многих поколений его предков.

– Оля, ты не проголодалась? – прервал течение мыслей своей спутницы Артем. – Может быть, сделаем остановку у ресторана и поедим? – Ивлев искоса посмотрел на задумчивое лицо Ольги.

– А ты голоден? У меня есть бутерброды и кофе в термосе. Если ты не против, перекусим в машине или где-либо на поляне, а обедать будем позже.

Артем, проехав метров двести, свернул в сторону и остановился на лужайке у берега небольшой речки. Оля достала из рюкзака белую бумажную скатерть и разложила ее на траве. На скатерти появились приготовленные ею бутерброды и пирожки, испеченные заботливой Ириной Александровной. Запахи речной воды, травы и полевых цветов смешались с ароматом крепкого кофе.

Позавтракав, молодые люди продолжили свой путь. До Лебедянки оставалось немного. Увидев указатель, свернули на проселочную дорогу. Ехали сначала по полю, а потом вдоль кромки леса, пока, наконец, не остановились в центре деревенской улицы у сельмага, рядом с которым на скамейке под кустом сирени дремал старик. Зашли в магазин, покупателей не было. За прилавком скучала дородная женщина с копной взбитых, линиялых, давно не крашенных волос на голове. Она с удивлением оглядела Олю и Артема. Надев на лицо дежурную улыбку, вяло ответила на приветствие. Ивлев окинул взглядом полупустые магазинные полки, купил плитку шоколада и протянул ее Оле.

– Пойдем отсюда, Оленька, поговорим лучше со стариком.

Дед, обутый в молодежные кроссовки, очнулся от дремы и тупо уставился на чужаков. Приезжие подошли к старику, поздоровались и, присев рядом, начали разговор издалека.

– Как Вас зовут, дедушка? – спросила Ольга.

– С детства Матюшкой звали, а теперь Матвеем Спиридоновичем величают.

– Матвей Спиридонович, можно с Вами поговорить? – вступил в разговор Артем.

– А это смотря о чем.

– Меня интересует женщина, приезжая из города. Она здесь в деревне весной жила. Марией ее звали.

– Манька, что ли? Знать я ее не знал, но часто видел. Ох, и натерпелась она тут у нас! Да уж, почитай, месяца четыре прошло, как сбежала.

– А от чего сбежала? – Ивлев внимательно посмотрел на деда Матвея.

– Да тут такая история вышла, что без четвертинки не разберешься, – сипло проговорил старик.

– Будет Вам на бутылку, Матвей Спиридонович, расскажите подробней.

– Значит, так, где-то в конце марта объявилась у нашей бабы Дуни жиличка. Привезла она ее из райцентра. Евдокия туда часто ездит. Дочка там у нее живет. Привезла она, значит, жиличку, а жиличка невысокая, вся такая субтильная, чистенькая такая, глазища с пол-лица. Ходила поначалу в магазин, продукты покупала. Всем выкает, здороваается. Приглянулась она тут менту здешнему – Ваське Гузику. Стал он к ней клинья подбивать, а она ни в какую. Попробовал в светелку к ней залезть, так она его палкой огрела и от ворот поворот дала. Неделю, блин, с фингалом под глазом ходил. Ну, уж такого наш Васька вынести никак не мог. Авторитет он у нас здешний. Все под ним ходят, и с районным начальством знается. Он все к Нюрке-буфетчице захаживал, дела какие-то с ней обделывал да постель делил. А тут ему вдруг, вишь,

городскую захотелось. У нас тут Васька-мент, Нюрка-буфетчица да Галька-продавец – первые люди на деревне. Все через них. Так и держатся, блин, вместе. Ну, прямо как партком при Брежнев. Поговорил Васька со своим парткомом по душам, да еще и ватагу подключил. Как начали они городскую шпынять, проходу ей не давали.

– О какой ватаге Вы говорите? – спросил Артем.

– Да есть у Васьки здесь человек шесть мужиков при деле. Друг за дружку горой. Да и любители бухнуть ему всегда помогут. Ну и пошло-поехало. Увидят Маньку на улице – и давай шалить: кто вслед плюнет ненароком, кто прямо под ноги, кто смехом проводит. А Валерка, Гальки-продавщицы мужик, тот, блин, вообще проворней всех оказался. Как увидит Маньку, так и давай на всю улицу кричать: «Ах, ты п...а городская, всем дала, а мне не хочешь! Доберусь я до тебя сегодня вечером!»

– И что, добрался? – Ивлев скрипнул зубами.

– Да какой там, мордой не вышел, да и Галька всегда на стреме стоит. А как уж Нюрка – буфетчица отводила душу. – Дед вздохнул и покачал головой. – Это надо было видеть! Она у нас баба видная, пройдет – нельзя не заметить. Так она соберет вокруг себя баб побольше, да давай Маньку травить:

– Что приехала, п...а грязная, за мужиками нашими? Тебя твой выгнал, так ты решила с чужими побаловаться? Да ты сначала отмойся! Что зенки вылупила? Я вот тебя, блин, за космы сейчас так отгаскаю, что мало не покажется!

Манька перестала выходить из дома. Баба Дуня жалела жиличку, поначалу продукты ей из магазина носила. Та целыми днями в светелке сидела или по саду прогуливалась. А Ваське все неймется, обидели, вишь, его. Мне сосед про него рассказывал, с ним кто-то из друзей Гузика поделился. Встретил Васька на улице бабу Дуню и говорит ей:

– Ты, бабка, гони прочь жиличку, пока Надька, внучка твоя, на улице давать не стала.

– Побойся, Вася, Бога. Я ж тебя мальцом нянчила. Надюшке моей только семнадцать, дите ведь еще. Не срами ребенка, ей же замуж выходить.

– Под кустом свадьбу и сыграем, – рассмеялся Гузик.

Перепугал мент бабку совсем. Она на следующий день внучку к дочке отвезла, а жиличке в постое отказала.

– Да, – протяжно вздохнул Артем, – неисповедимы пути Господни. Зоркий глаз у Вас, Матвей Спиридонович, вот Вам на бутылку. Нам пора, Оленька. – Ивлев протянул деду несколько сотенных купюр, взял за руку ошарашенную, молчащую Ольгу и повел ее к машине. Дед положил деньги в карман, крикнул и, тяжело поднявшись со скамьи, направился по асфальтовой дорожке к магазину. После рассказа деда Матвея Ольга долго не могла прийти в себя.

– Да, как говорят, картина маслом. – Артем вздохнул и посмотрел на Олю. – Помнишь знаменитого одесского мента из фильма «Ликвидация»? Он часто пользовался этим сочетанием слов.

– Одесский мент совсем не похож на Гузика. Я уверена, в Лебедянке живет много порядочных людей. Не могу понять, как они могут все это терпеть. Средневековье какое-то.

– Терпят, еще как терпят. Одни живут, стиснув зубы, другие спиваются, третьи заканчивают жизнь самоубийством. Все зависит от силы воли и духовных качеств человека.

– Но ведь можно уехать и забыть про этих Гузиков.

– Все, кто мог уехать, уехали. Молодежь разбежалась. Потом, чтобы уехать, нужны деньги, а как их заработать в этой глуши? Заработать можно только у Васьки Гузика, прибравшего все к рукам.

– Но ведь Васька ведет себя в деревне, как пахан на нарах в тюремной камере. Сокамерники по приказу пахана могут издеваться над человеком, избивать его. Пока не сломают морально и физически, не опустят.

– Помнишь, Оля, несколько лет назад в прокате шли фильмы «Особенности национальной охоты», «Особенности национальной рыбалки»? Здесь, в этой забытой богом деревне, мы столкнулись с разновидностью национальной охоты. Жертву не убивают сразу. Ее травят, загоняют в угол, а там уже как придется.

– Согласна. – Оля кивнула головой. – Так было и раньше. Вспомни Катерину Островского. Ее же затравили купчишки и довели до самоубийства. А как встречают новеньких в некоторых коллективах с трудным контингентом? А станица Кушевская на Ставрополье? Ты помнишь, что творили менты и их дружки в этой станице? Чем не Васьки?

Артем с Ольгой остановились у небольшого летнего ресторана, пристроившегося у мотеля, не спеша вкусно поели и поехали дальше по шоссе, ведущему к Москве. Прощаясь у своего подъезда, Оля заглянула Ивлеву в глаза, легко коснулась его руки и сказала, что очень хотела бы помочь ему разобраться во всей этой запутанной истории.

– Я позвоню тебе, – ответил он, слегка задержав в своей руке руку Ольги.

Прабабушка Маши Ивлевой со стороны матери, Зинаида Александровна Стрешнева, была дочерью крупного царского сановника. В начале прошлого века она вышла замуж за помещика, имевшего богатую усадьбу в Вологодской губернии. Муж торговал лесом, занимался разведением и продажей скота. Семья жила счастливо, воспитывая прелестную девочку, появившуюся на свет через два года после замужества. Горе пришло, откуда не ждали. В канун Первой мировой войны неожиданно для всех от инфаркта скончался муж Зины, оставив вдовой жену и сиротой – ребенка. Горе горем, но деньгами он семью обеспечил, да и отец помог в беде, и до семнадцатого года Зиночка жила без нужды одна со своей печалью. Потом грянула революция. С приходом к власти большевиков многое изменилось. Обывателям сначала их приход казался временным, думали, рано или поздно режим падет, и толпы поднятых большевиками рабочих и крестьян разбредутся по своим домам. Не важно, кто заставит их это сделать – Колчак, Деникин или Юденич. Только б вернули прошлую сытую, налаженную и стабильную жизнь. Соглашались и на Антанту, пусть будет чужой правитель, только б не большевистская орда.

Но большевики уходить не собирались. Стиснув зубы, они яростно сметали со своего пути все, что мешало их замыслам и целям. Огненный смерч Гражданской войны поглотил двух братьев Зины, в тифозном бреду, проклиная судьбу, умер отец. Зинаида же с большой матерью и дочерью Ниночкой как-то выжили.

С них слетел былой лоск. В революционном порыве крестьяне спалили усадьбу на Вологодчине, а просторную петербургскую квартиру заполнили неопрятные шумные люди, отгнав хозяев в комнату, ранее служившую спальней. Перепуганная Зина была и этому рада. Живы и ладно, другим тоже не сладко! Зиночка, толкаясь на рынке, выменивала драгоценности семьи на продукты и благодаря такому обмену покалеченная семья не голодала. Несколько ценных колец и кольцо с рубинами помогли заполучить новые документы, узаконившие мнимые рабочие корни дочери и ее матери. А фамильная брошь с сережками сделали Зину хозяйкой жилья в Москве и помогли прописаться в комнате чужой недавно скончавшейся старушки. Уцелевшие знакомые, знавшие дворянку и дочь сановника Зиночку Стрешневу, остались в Ленинграде. В Москве для всех она была Зиной, родившейся в рабочей слободке.

Зина устроилась машинисткой в Наркомпрос. Казалось, семья спасена. Но в тридцатом году, промучившись с переломанной шейкой бедра, умерла мама, а в памятном для всех тридцать седьмом, с его безжалостным людским покосом, дочь Нина, работавшая к тому времени на заводе, вышла замуж за сослуживца и переехала жить к мужу на Церковную горку. Зина осталась одна в своей ставшей вдруг просторной комнате.

Обычно поздно вечером, покончив со своими дневными делами, она задергивала шторы на окнах, запирала дверь на замок и доставала старый фибровый чемодан, спрятанный под

кроватью. В нем Зина бережно хранила все, что осталось от прежней жизни, все то, что она так тщательно скрывала от людей. Вещей было немного – шкатулка из бархата с остатками драгоценностей и портрет размером 55 на 40 сантиметров, бережно укутанный в простыню. Зина извлекала из шкатулки дорогие украшения, неторопливо раскладывала на столе и долго любовалась их изящной красотой и блеском. Потом очередь доходила до портрета. Она освобождала его от простыни и начинала мысленный диалог с женщиной, изображенной на нем. Портрет был знаком ей с детства. Сначала он висел в гостиной отцовского дома, а потом переехал вместе с Зиной в петербургскую квартиру мужа, где и провисел на стене в зале вплоть до революции. В годы лихолетья он был спрятан в неказистый чемодан, специально купленный у торговки на рынке. С портрета на Зину смотрели прекрасные, подернутые грустью глаза женщины.

– Что ты молчишь? – спрашивала женщину Зина. – Ты ведь все знаешь, помнишь, какими мы были. Ты знаешь, что будет. Что будет со мной и Ниночкой, поделись секретом?

Портрет молчал, только едва заметная улыбка на губах женщины говорила о некоей тайне и о радости вновь видеть Зину.

В начале войны муж Нины ушел на фронт, да так и не вернулся, пропав без вести в бою под Винницей. Зина, прихватив заветный чемоданчик, переехала жить к дочери и устроилась работать на завод, выпускающий мины и снаряды. Войну пережили в Москве. Вместе делили скудный хлебный паек, меняли часть его на сладкий сироп, который в избытке водился у соседки Тоси, прятались от налетов то в бомбоубежище, то между могилами старого кладбища, окружавшего старинную церковь.

После войны Зина много лет проработала на часовом заводе. Она вставала ранним утром, приводила себя в порядок и после скудного завтрака выходила из дома. На трамвае доезжала до знакомых заводских ворот. Просочившись через узкую проходную мимо бдительных вахтеров, вливалась в озабоченную толпу сотрудников, спешащих по своим рабочим местам. Женщина неторопливо передевалась в раздевалке цеха и привычно садилась за сборочный конвейер. К тому времени Нины в Москве уже не было. Выйдя замуж за офицера – фронтовика, она уехала с ним сначала в Прибалтику, где родила дочь Юлию, потом в Казахстан.

Отслужив в армии положенный срок, муж Нины вышел в отставку, и семья отставного полковника путем хитроумного квартирного обмена оказалась в Москве. Ставшая к тому времени пенсионеркой Зинаида Александровна переехала жить к детям.

В семье дочери Зине жилось спокойно. Она стала забывать прошлое и не задумывалась о будущем. Обычно, покончив с хлопотами по дому, Зинаида Александровна подолгу смотрела на портрет, вела с ним неспешный мысленный диалог. Портрет давно был извлечен из чемодана и теперь висел в комнате на стене блочной девятиэтажки. Глаза женщины с портрета печально следили за тщетной суетой людской жизни, а уголки надменных губ трогала чуть насмешливая улыбка.

Уравновешенный и покладистый зять уважал Зину и называл мамой. Дочь Нина все еще работала, а Юля училась. Под заботливым присмотром бабушки внучка росла умненькой и озорной. Счастьем светились глаза Зинаиды, когда она видела из окна, как ее Юлька вместе со своим школьным приятелем Андрюшей Ивлевым о чем-то увлеченно спорят у подъезда.

Зина много лет обучала Юлю французскому языку, не позабыв его на крутых жизненных изломах. Внучка, свободно владея французским, без труда окончила институт и поступила в аспирантуру. Детские дружеские отношения Андрея и Юлии переросли в глубокое серьезное чувство, и спустя год после окончания вуза они поженились.

Успела Зинаида Александровна порадоваться за внучку. Да видно, жизнь устроена так, что всегда рядом со счастьем ходит горе. Свадебные хлопоты надорвали больное сердце Зины, и она слегла. Перед смертью, глядя в испуганные, заплаканные глаза дочери, успела шепнуть:

– Береги портрет.

Нина портрет сберегла и, пережив с мужем на много лет свою дочь, передала его внучке Маше. Вместе с портретом из рук бабушки Нины Маша получила потертую бархатную шкатулку с остатками фамильных драгоценностей семьи Стрешневых.

Артем позвонил Ольге в середине недели и поинтересовался ее планами на субботу. Суббота у Оли была свободна.

– Мне хочется встретиться с мужем Маши. Мы не виделись со дня похорон, и у меня к нему накопилась куча вопросов. Оленька, поедешь со мной? Ты обещала помочь!

– Если обещала, помогу, – успокоила Ивлева Оля.

– Мы не будем предупреждать хозяина о своем визите. Хочу сделать наш приезд неожиданным.

Субботний приход брата покойной жены застал Константина Эдуардовича врасплох. Растерянный, в халате и тапках, он открыл дверь неожиданным гостям и проводил их в одну из комнат своей большой квартиры.

– Что привело вас ко мне? – хозяин указал гостям рукой на стулья, приглашая сесть.

– Константин Эдуардович, я буду краток. – Ивлев извлек из кожаной папки несколько листов бумаги. – Перед отъездом в деревню Маша передала моей матери доверенность на картину и фамильные драгоценности. Она завещала их сыну. Получить наследство Митя может только после достижения совершеннолетия. До этого времени портрет и шкатулка с ее содержимым должны храниться у моих родителей. Шкатулку и документы мама получила, портрет же остался висеть у Вас. Я приехал за портретом. Вот копии документов.

Константин Эдуардович надел очки, внимательно прочитал бумаги и грустно посмотрел на Артема.

– Это воля Маши. Своими вещами она могла распоряжаться, как ей заблагорассудится. Я рад, что дорогими для нее предметами будет владеть сын Митя. Портрет и драгоценности – это потенциальные деньги, а деньги никогда не бывают лишними.

– Вы правильно оценили ситуацию, Константин Эдуардович. Принесите, пожалуйста, портрет. Я могу дать расписку о его получении.

– Да нет, ради Бога! Мы с тобой почти родственники, о какой расписке может идти речь? – Константин Эдуардович вышел из комнаты.

Ивлев ласково посмотрел на Олю. Она улыбнулась ему и слегка пожалала плечами. Через несколько минут хозяин квартиры вернулся с портретом.

– После смерти Маши я повесил его у себя в кабинете, – сказал он, протягивая портрет Ивлеву.

Артем взял портрет в руки и стал внимательно его изучать. Тщательно осмотрел холст, старинную багетовую раму, размашистую подпись художника в правом нижнем углу. Потом взгляд его остановился на лице, изображенном на портрете. Глаза женщины были лишены знакомого ему с детства блеска. Они были пусты, исчезла тайна, жившая в них.

– Это не наш портрет, – сделал заключение Артем.

– Как не наш? Почему не наш? – возмутился Константин Эдуардович. Он потер рукой лоб, схватился за подбородок. – Ты что, обвиняешь меня в подмене? Как ты смеешь?

– Успокойтесь, я хорошо знаю портрет. Он много лет провисел у нас в доме. Вы принесли мне прекрасно выполненную копию. – Ивлев положил картину на стол.

Неожиданно распахнулась дверь, и из спальни вышла невысокая, изящно скроенная женщина в коротком пеньюаре.

– Добрый день. Костя, почему ты не предупредил меня о приходе гостей? – Женщина, приподняв уголки губ, оценивающим взглядом выразительных серых глаз посмотрела на Ивлева и его спутницу.

– Эля, эти люди обвиняют меня в подмене портрета, принадлежавшего Маше. – В бли-
зоруких глазах Константина Эдуардовича застыла обида.

– Может быть, виноват реставратор? Я отдавала картину на реставрацию. – Эльвира
не смогла скрыть раздражения.

– Но зачем, Эля? Кто тебя просил? – Приподняв плечи, Константин Эдуардович удив-
ленно посмотрел на Эльвиру. – Следовало меня поставить в известность.

– Я, Костя, твоя жена, пусть пока еще гражданская, и не в моих правилах сваливать
на твои плечи решение бытовых проблем. У тебя своих проблем хватает. Я решила привести
квартиру в порядок. Наняла людей, которые сделали генеральную уборку, почистили ковры,
мягкую мебель, поменяли шторы. Картина, как мне показалось, тоже нуждалась в обновлении.

– Вы не имели права отдавать в чужие руки не принадлежащую Вам вещь. Кто занимался
реставрацией портрета? Назовите, пожалуйста, имя и адрес этого человека. – Ивлев едва сдер-
живал нарастающее в нем чувство гнева.

– Я не знаю ни имени, ни адреса реставратора. Поисками его и переговорами с ним зани-
мался мой старый друг. Он же отвез картину на реставрацию и доставил ее обратно в дом. –
Прищурив глаза, Эльвира обвела взглядом гостей.

– Тогда будьте любезны, назовите фамилию и имя друга, его координаты, – продолжал
настаивать Артем.

– Я никому не сообщаю сведений о своих знакомых без их согласия. Извините, я думаю,
мы с Вами прекратим этот разговор. Всего хорошего. – Эльвира направилась к входной двери,
жестом приглашая Артема и Олю следовать за ней.

– Константин Эдуардович, если у меня через несколько дней не будет сведений о месте
проживания друга Эльвиры или художника, реставрировавшего портрет, я вынужден буду при-
бегнуть к услугам полиции. Прощайте. – Ивлев решительно направился к выходу, увлекая
за собой Ольгу.

– Кот из дома – мыши в пляс, – прокомментировала ситуацию Ольга, когда они вышли
из подъезда бывшего дома Маши и направились к машине Артема.

Ивлев долго молчал, сосредоточенно думая о чем-то. Наконец он посмотрел на Олю.

– Откровенно говоря, я не ожидал такого поворота событий. Ясно, что Эльвира заменила
подлинник подделкой. Но как разоблачить ее? Придется нанять детектива. Пусть установит
за ней слежку. Через Эльвиру выйдем на ее друга, он наведет на художника, сделавшего копию.
Потом придется искать портрет.

– Почему ты не хочешь подключить полицию к этому делу? – задала вопрос Оля.

– У Константина Эдуардовича могут быть большие неприятности. Я не хочу этого, мне
кажется, он до сих пор не понял всей глубины коварных происков этой женщины.

– Артем... – Оля коснулась руки Ивлева, лежащей на руле автомобиля. – Я уже неплохо
изучила твой характер, но ничего толком о тебе не знаю. Где учился? Кем работаешь? Был ли
влюблен?

– Все очень просто, – улыбнулся Артем. – Работаю аналитиком в холдинге, окон-
чил факультет прикладной математики. Что же касается любовных приключений, у кого их
не было? Было несколько. Но после знакомства с тобой я потерял к ним интерес. Оленька, тебе
рассказать в деталях о своих приключениях?

– Нет, избавь меня, пожалуйста, от подробностей. Я не хотела бы стать очередным твоим
приключением.

– Ты не похожа на других. Мне кажется, я знаю тебя с детства. – Артем внимательно
посмотрел на Ольгу. В глазах его блеснул знакомый озорной огонек. – Говоришь, что ничего
обо мне не знаешь? Поехали ко мне домой, познакомимся поближе.

– Что ж, вперед! – выдержав его взгляд, рассмеялась Ольга.

Ночь и утро следующего дня она провела у Ивлева. Они приехали к нему, прикупив по дороге горячий осетинский пирог с сыром и закуску. У Артема, по его словам, было замечательное, пахнущее кипарисом монастырское вино с Кипра.

Квартира Ивлева разительно отличалась от жилья его родителей и сестры. В ее однотонном строгом интерьере угадывалось присутствие в доме одинокого мужчины. В комнатах, а их было две, отсутствовали вазы, безделушки, легкомысленные диванные подушки, нарядная посуда, то есть все то, к чему прибегают женщины, любовно украшающие свое гнездышко.

Стену в гостиной занимали два широких окна, разделенные простенком. Просторная, с немногочисленной добротной мебелью кухня была велика для одного человека.

– Как у тебя опрятно, – не удержалась от похвалы Ольга.

– Стараюсь. Спасибо маме с Таей, не дают мне закиснуть в грязи. Будь, Оленька, как дома. Я накрою стол в гостиной?

– В гостиной так в гостиной. Я тебе помогу.

– У меня есть кое-что покрепче вина. – Артем извлек из недр шкафа бутылку коньяка и два лимона. – Кутнем, Оля, – шутливо предложил он.

– Еще как кутнем! – Пытаясь скрыть внутреннее напряжение, в тон другу лихо проговорила Ольга.

Уютное застолье растянулось допоздна. Ольга и Артем говорили обо всем, и их откровения друг перед другом были похожи на исповедь. А потом, чуть позже, уже на кухне, Артем прижал Ольгу к себе и, жарко дыша ей в ухо, зашептал знакомые нежные, страстные, давно забытые ею слова. После бессонной ночи, выплеснув под утро бушующие волны чувств, Оля, лаская нежным взглядом голову Артема, что лежала на ее плече, и, поглаживая рукой его короткие упругие волосы, вспомнила вдруг любимые строки:

Все повторится вновь! И ахнет человек —
Холодным станет зной! Горячим будет снег!
Придет пора цветов, брусники и грибов...
Спасибо, жизнь, за то, что я узнал любовь!

– Как верно! Чьи это стихи? – Ивлев крепко прижал к себе Ольгу.

– Кажется, Ваншенкина, – задумчиво проговорила она.

Ровно через две недели после визита Артема с Олей к Константину Эдуардовичу детектив, нанятый Ивлевым для слежки за Эльвирой, представил отчет о проделанной работе. В отчете было указано, что Эльвира Анатольевна Парфенова часто встречалась с неким Петрищевым Антоном Геннадьевичем 1980 года рождения, работающим менеджером по продаже автомобилей. Встречи проходили либо на квартире Петрищева, либо в ресторане «Времена года», расположенном недалеко от его жилища. Поведение Парфеновой и Петрищева при встречах говорило о том, что их соединяют очень близкие отношения. Петрищев встречался также с художником Бенедиктовым Арсением Михайловичем. Ивлев внимательно рассмотрел фотоснимки, прочитал адреса мест проживания и работы, а также телефоны упомянутых в отчете людей. Да, вне всякого сомнения, детектив со своей работой справился.

Артем навестил художника под вечер, предварительно позвонив ему. Бенедиктов принял Ивлева в светлой, заваленной хламом мастерской. Сильный запах краски, растворителей и несвежей пищи раздражал обоняние и говорил о том, что хозяин комнаты живет там же, где работает. На вопрос Артема о портрете он ответил, что портрет ему принес Антон Петрищев и попросил сделать копию, якобы в подарок любимой женщине. Арсению Михайловичу портрет понравился. К тому же подпись известного художника на полотне намного увеличивала его стоимость. Бенедиктов не стал расспрашивать Антона о том, как к нему попала эта вещь.

Меньше знаешь – лучше спишь, подумал он. Сделав копию за очень приличную сумму, Арсений Михайлович вернул портрет Петрищеву.

– Петрищев не просил вас найти покупателя? – Артем посмотрел на Бенедиктова, вальяжно раскинувшегося в широком кресле.

– Предлагал, но я наотрез отказался. Может быть, я смог бы ему помочь в поиске покупателя, если б точно знал, как портрет попал к Петрищеву. А так – увольте! Дело может пахнуть криминалом.

– Ну что ж, разумно, – похвалил собеседника Ивлев. – Вы мне очень помогли. Я надеюсь, что о содержании нашего с Вами разговора не будет знать никто третий.

– Разумеется, – заверил его художник.

Покинув мастерскую Бенедиктова, Артем сначала хотел открыто переговорить с Петрищевым, вывести его, как говорят, на чистую воду, но потом, поразмыслив, решил отложить на время встречу с ним.

«Ясно, – думал Ивлев. – Антон Петрищев сейчас ищет покупателей. Найдет покупателя, продаст портрет и получит огромные деньги. Что будет дальше? Вариантов несколько: либо он, забрав деньги, прерывает связь с Эльвирой, либо любовники (а они любовники, несомненно) делят добычу между собой. Возможен и такой расклад, при котором Эльвира оставляет Петрищева с носом, забирая обманным путем всю выручку от продажи портрета. А что, если у Эльвиры есть еще и третий игрок в команде, которого она тщательно скрывает? Бедный Константин Эдуардович! Он не догадывается, какую гадюку пригрел на своей груди. Открытый разговор с Петрищевым спугнет, заставит засуетиться всю команду. Антон может в этой ситуации отдать портрет первому попавшемуся покупателю даже за бесценок, руководствуясь известной пословицей, что «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Тогда дело станет еще более запутанным. Время поджимало, и Артем, отпросившись у своего начальника по службе в недельный отпуск, серьезно решил заняться Петрищевым.

Три дня наблюдений не дали ничего нового. Петрищев ровно в девять часов выходил из подъезда и ехал на работу. Отработав положенное время, под вечер заезжал за продуктами в супермаркет и возвращался домой. На четвертый день наблюдений распорядок дня Антона был нарушен. Он вышел из подъезда на час позже и, сев в машину, поехал не к центру на работу, а в направлении Окружной дороги.

«За город собрался», – подумал Артем, следуя за машиной Петрищева на своем «Ниссане». Действительно, Петрищев выехал за пределы МКАД и в течение почти полутора часов добирался до небольшой деревушки с прозаическим названием Ершово. Ивлев ехал вслед за ним, соблюдая при этом такую дистанцию, чтобы оставаться незамеченным. В деревню он решил не въезжать и, оставив машину за околицей, зашагал вдоль улицы.

Около калитки деревянного, украшенного резными наличниками дома, Артем увидел женщину. Он подошел к ней, поздоровался и спросил, где в деревне можно снять жилье на небольшой срок.

– Сама я не сдаю, семья у меня, а вот у бабы Вали, пожалуй, можно. Живет одна, дом большой. Ступайте прямо по улице, увидите переулок, свернете. Третий дом справа.

Ивлев направился к дому бабы Вали. Она оказалась сухонькой пожилой женщиной.

– Деньги мне нужны. Я поселю Вас в угловой комнате. Ничего, что спать придется на диване? – спросила Валентина Степановна, показывая квартиранту комнатку, в которой, кроме дивана, стола со стулом и небольшого платяного шкафа, больше ничего не смогло бы поместиться.

– Я согласен. – Артем оглядел свое временное жилище и рассчитался с хозяйкой за несколько дней вперед.

Спросив у Валентины Степановны, есть ли в деревне магазин, он отправился на центральную улицу. Ивлева интересовал не столько магазин, сколько место пребывания Петрищева.

«Поброжу по деревне, разузнаю, что могло привести сюда Антона», – подумал он. Деревня оказалась небольшой, и, походив по ней, Артем, наконец, увидел двор, в котором под навесом стояла машина Петрищева.

«Надо последить за домом», – решил он.

Петрищев пробыл в доме часа два. Выйдя на крыльцо, постоял на нем, походил по саду и, поместив в багажник машины вместительную дорожную сумку, уехал. Ивлев направился в магазин.

В тесном деревенском магазинчике с яркой вывеской «Супермаркет» он купил продукты и, нагруженный двумя большими пакетами, пошел к Валентине Степановне.

– Вот продукты, хозяйка, я хотел бы у Вас столоваться. Вы не возражаете? – спросил он, выкладывая содержимое пакетов на стол.

– Ой, хорошо как! – Женщина не смогла сдержать радостной улыбки. – А у меня картошечка есть, овощи. Я грибной супчик сварила, очень вкусный, сейчас налью.

За столом Ивлев завел разговор о деревенских жителях, а потом спросил у Валентины Степановны, много ли в деревне приезжих. Она ответила, что чужих в деревне нет.

– Как же так, – возразил Артем, – я видел машину с московским номером.

– Это машина Антошки Петрищева, он часто приезжает из Москвы. Года два тому назад купил дом у дочери покойной Даши Крупениной. Имеет дом – значит, не чужой.

Поблагодарив Валентину Степановну за обед, Ивлев снова направился к особняку Петрищева. Он вел наблюдение за ним до наступления темноты, хозяина не было. Не появился Петрищев и на следующий день. Артему необходимо было узнать, что хранится в доме. Он понимал, что Антон купил его не для отдыха в деревне. Ему – одинокому молодому человеку, который не увлекался ни охотой, ни рыбалкой – дом в деревенской глуши был не нужен. Но ведь для чего-то он его использует? Для чего?

Поздно ночью, стараясь не разбудить спящую хозяйку, Ивлев вылез через окно своей комнаты во двор и тихо, чтобы не потревожить громкоголосых деревенских псов, пробрался к жилищу Петрищева. Мрачное строение тонуло в гуще сада. Темные окна делали его безжизненным. Ивлев обошел дом, осторожно прощупал оконные рамы, легко толкнул входную дверь – она была заперта. Еще раз, окинув фасад здания внимательным взглядом, Артем заметил, что достаточно широкое чердачное окно чуть приоткрыто.

«Как же туда залезть? – подумал он. – Надо заглянуть в сарай, может, удастся найти что-либо?»

Дверь сарая открылась легко. Артем вошел в помещение, луч его фонаря, скользящий по стене, упал на деревянную стремянку, подпиравшую ее и, судя по виду, много лет служившую еще прежним хозяевам дома. Используя стремянку, Ивлев залез на чердак, затем по чердачной лестнице спустился на кухню. Дом пугал отсутствием звуков. Из кухни мужчина попал в соседнюю комнату, а из нее – в спальню. Больше комнат в доме не оказалось. Артем стал детально изучать каждую из них. В комнате, которая, судя по мебели, служила столовой или гостиной, кроме потертого дивана, стола со стульями, старого трельяжа да журнального столика с плохеньким телевизором, ничего не было. Большую часть спальни занимали кровать и вместительный платяной шкаф, плотно набитый новыми, зачехленными женскими платьями, блузками и юбками, среди которых висели мужские костюмы и пиджаки разных расцветок и размеров. В углу рядом с дверью приютился небольшой старый сундук. Быстро осмотрев содержимое шкафа, Ивлев сделал вывод, что Петрищев где-то приторговывает одеждой. Затем его взгляд упал на освещенную фонарным лучом крышку сундука. Он приподнял ее. Сундук

был заполнен каким-то тряпьем. Засунув руку под обноски, мужчина вдруг нащупал край картинной рамы.

«Она!» – чуть не вскрикнул от радости Ивлев. Он освободил портрет и осветил его фонарем. Глаза женщины на портрете загадочно мерцали, храня известную ей одну тайну.

Артем, стараясь не оставлять следов, покинул дом Петрищева, пролез через окно к себе в комнату, а утром, позавтракав и поблагодарив гостеприимную хозяйку, вместе с портретом отправился в Москву. Похищенный портрет Ивлев отвез на квартиру матери.

– Наконец-то он у нас. Я уже не чаяла его увидеть. Да, это наш портрет! Тема, тебе не кажется, что девушка, которая принесла кольцо, чем-то похожа на даму с портрета?

– Еще как кажется, мама. Я заинтересовался Олей, заметив это сходство. Удивительно похожи овал лица, тон матовой кожи, темные волосы и глаза. Ты заметила, что разрез глаз у них почти одинаков? Поразительно! Мама, портрет мне пришлось забрать у людей, которые пытались его украсть. Через день-другой они узнают о пропаже и, скорее всего, придут в твой дом. Портрет надо спрятать так, чтобы ни одна душа не смогла его отыскать.

– Я все поняла, сынок. Я спрячу его на даче у своей приятельницы.

Через три дня Артему позвонил Константин Эдуардович и назначил встречу в кафе недалеко от своего дома. Ивлев решил подстраховаться. Он связался по электронной почте с близким другом Таи Сашей Левашовым, кратко изложил суть дела и попросил его понаблюдать со стороны за Константином Эдуардовичем.

Друзья зашли в кафе чуть раньше положенного времени и заняли разные столики. Артем заказал чашку кофе. Ровно в семь вечера, как и договаривались, в дверях появился взволнованный Константин Эдуардович. Он тяжело сел на стул и после нескольких дежурных фраз завел разговор об Эльвире.

– Эля в последнее время вела себя не совсем адекватно. Она как с цепи сорвалась. Каждый день устраивала ссоры, обвиняла меня в том, что я якобы не хочу на ней жениться. Однажды в гневе она вдруг призналась, что у нее есть любовник, и я ему в подметки не гожусь. – Константин Эдуардович провел рукой по лбу и потер подбородок.

– Она не сказала Вам, кто ее любовник? – усмехнулся Артем.

– Ее старый друг. Она когда-то знакомила нас. – Полными страха глазами бывший муж покойной Маши посмотрел на Ивлева. – Но это только полбеда, вся беда в том, что вчера Антона арестовали.

– Антон – как я понял, любовник Эльвиры? – Артем сделал вид, что ничего не знает о Петрищеве. – В чем его обвиняют?

– Его обвиняют в убийстве Маши. Оказывается, все это время в полиции не сидели, сложа руки, а работали со свидетелями. Знаете, как это бывает? Кто-то из прохожих заметил цвет и марку машины, кто-то – одну часть номера, кто-то – другую. По номеру нашли и арестовали владельца. На допросе выяснили причастность Эльвиры к этому делу.

– Преступники, наверное, решили валить вину друг на друга, – вставил замечание Артем.

– В частности, выяснилось, что Эля уговорила Петрищева заняться травлей Маши. В этом деле он повел себя крайне жестоко. Они полагали, что после моего развода с Машей я женюсь на Эльвире. Ну а потом, завладев всем моим, так сказать, горбом нажитым состоянием, любовники, вероятно, предполагали сбежать за границу и жить вместе. Маша им очень мешала, поэтому они и решили ее устранить. А может быть, и со мной в будущем поступили бы так же.

– Все верно, – согласился Ивлев. – Преступники хотели нажиться и за счет продажи портрета, заменив подлинник копией.

– Кстати, со слов Эли, подлинник пропал. Полицейские, проводившие обыск, его не нашли. Портрет кто-то забрал!

– Портрет там, куда его определила Маша, – успокоил собеседника Артем.

– Давай забудем историю с портретом, облегчим участь Эли, – чуть заискивающе проговорил собеседник.

– Я согласен не ставить в известность полицию.

– Спасибо, Артем. – Константин Эдуардович облегченно вздохнул.

«Дурак надеждой богатеет, – глядя на отца Мити, подумал Ивлев. – Что ж, слава Богу, подлецы получили по заслугам». Он встал из-за стола, бросил на него деньги и, попрощавшись с бывшим мужем Маши, направился к выходу.

К институту, в котором работала Ольга, Ивлев подъехал ближе к вечеру. Окончился рабочий день, и люди, группами и поодиночке, выходили из широких прозрачных дверей вестибюля на улицу. Наконец в дверном проеме появилась Оля. Артем радостно улыбнулся и, желая обратить на себя внимание, помахал рукой. Увидев друга, Ольга торопливо направилась к его машине. Легкий румянец, появившийся на лице девушки, выдавал охватившее ее волнение.

– Здравствуй, Тема! Где ты пропадал? Я успела соскучиться. – Оля с укоризной посмотрела на Артема, потом, на миг тесно прижавшись к нему, легко коснулась губами его прохладной, гладко выбритой щеки. Ивлев ответил на ее неожиданную ласку долгим поцелуем. После чего, заботливо усадив девушку в машину, привычно пристроился рядом с ней на сиденье водителя. Автомобиль плавно тронулся с места, выехал со стоянки и, попав в пестрый поток своих собратьев, уверенно помчался по залитому золотым предвечерним солнцем проспекту.

– Я звонил тебе несколько раз, но ты почему-то не отвечала на мои звонки. – Артем искоса, чуть приподняв брови, посмотрел на лицо сидящей рядом подруги. – Обиделась?

– Не отвечала? – Переспросила с лукавой улыбкой Оля. – Я тоже была занята очень важным делом. У меня, как и у тебя, много разных обязанностей и связанных с ними проблем.

– Теперь, когда мое расследование полностью закончено, мы с тобой все время будем вместе, – пытался оправдаться перед девушкой Ивлев. – Вчера я встречался с Константином Эдуардовичем. Он рассказал мне об аресте любовника Эльвиры Антона Петрищева и обвинениях, выдвинутых против нее. Любовника подозревают в умышленном наезде на Машу.

– В машине Петрищев был с Эльвирой?

– Нет, один. Петрищев – исполнитель, а Эльвира – организатор. Константин Эдуардович в панике. Видно, он сильно привязан к этой женщине, пытается ей помочь.

– Да, любовь зла, – вздохнула Ольга. Она, задумавшись, смотрела на длинный ряд высотных зданий, проплывающих мимо окна автомобиля.

– Оленька, давай заедем на часок-другой к моим родителям, – предложил после небольшой паузы Артем. – Я обещал им.

– С удовольствием пообщаюсь с ними. Но в гости с пустыми руками ходить не принято. Что же купить? – Ольга задержала взгляд на лице друга. – Выпечкой твою маму не удивишь, конфеты – банально...

– Не стоит беспокоиться по этому поводу. Мама будет рада цветам, отца побалуем бутылкой хорошего коньяка.

– А Тая?

– Тая перебралась жить к Сашке Левашову. У них давно сложились тесные отношения, собираются пожениться. Оленька, когда же ты, наконец, поселишься у меня?

– Ты серьезно мне это предлагаешь? А, я поняла! У тебя это называется «сделать девушке предложение». Я подумаю над твоим предложением, – смеясь, пообещала Ольга.

– Буду ждать, – в тон ей ответил Артем.

Андрей Петрович и Ирина Александровна, довольные приходом молодых людей, встретили их в прихожей и проводили в гостиную.

– Оля, Вы видели портрет, который наделал столько шума? – спросила Ирина Александровна, указывая на картину, висевшую на стене.

– Я много слышала о нем от Артема, – взглянув на портрет, ответила Ольга. С портрета на нее смотрела молодая черноволосая женщина в темно-синем бархатном платье, отделанном атласной, в тон платью, тесьмой и воротником из тонких дымчатых кружев. Большие выразительные глаза ее были глубоки и печальны, а уголки губ трогала едва заметная улыбка. Оле показалось, что она видела где-то эту улыбку, эти задумчивые глаза, знала тайну, которую они скрывают.

– Этот портрет неизвестной дамы любила прабабушка нашей Маши, Зинаида Стрешнева. Она им очень дорожила, – прервала мысли Ольги Ирина Александровна.

– Как Вы сказали? Стрешнева? – Оля с удивлением посмотрела на мать Артема. – Это девичья фамилия моей мамы.

– Ты, наверное, очень похожа на свою маму, – засмеялась Ирина Александровна и, продолжая разговор, сказала: – Мне хочется, чтобы после вашей с Артемом свадьбы до совершеннолетия Мити портрет повисел у вас.

– Я согласна, – улыбнулась Ольга.

Эшелон

Лейтенант Левченко, минуя проходную, вышел на улицу, обсаженную старыми раскидистыми липами. Здание госпиталя с хозяйственными пристройками размещалось в парке, окруженном высоким кирпичным забором, что протянулся по мощенной булыжником улице вниз к реке. По другую ее сторону вдоль узкого тротуара стояли в ряд двухэтажные дома, принадлежавшие до революции зажиточным купцам. Первые этажи этих зданий, построенные из камня или кирпича, имели чуть выше уровня тротуара небольшие, ничем не примечательные окна. Вторые же, срубленные из дерева, соревновались между собой шириной оконных проемов, цветом и сложностью искусной резьбы наличников. Дубовые двери домов, выходящие на улицу, были надежно защищены добротными деревянными козырьками. Изредка попадались кованые, удивлявшие изысканностью линий и витиеватостью рисунка.

Иван Левченко пролежал в госпитале почти два месяца. Попал он туда после ранения, полученного у деревни Мужиково, что в ста километрах от Ржева. Под городом шли кровопролитные бои, в ходе которых советские войска пытались сдержать натиск фашистов, рвущихся к Москве. Двадцатитрехлетний лейтенант Левченко командовал ротой и отвечал за жизнь нескольких десятков людей, находящихся у него в подчинении. Злополучный бой у этой богом забытой деревеньки оставил следы на теле и в памяти молодого командира на всю жизнь.

Дивизия, где служил Иван, получила приказ расположиться в боевом порядке у населенного пункта Мужиково. Еще затемно, морозным декабрьским утром, солдат вывели в припорошенное снегом, простреливаемое немцами поле. Фашисты занимали высоту у деревни перед оврагом, по другую сторону которого залегли наши бойцы, вооруженные трехлинейными винтовками. Их темные фигуры на белом снегу были отчетливо видны противнику с хорошо укрепленных позиций. Штурм высоты дивизия начала без предварительной артподготовки и поддержки авиации. Немцы ответили на него шквальным огнем. Они упреждали любые попытки солдат противника приблизиться к склону глубокого оврага перед высотой.

Позже, анализируя ситуацию, сложившуюся на поле боя, Левченко так и не смог объяснить себе причину, побудившую командование занять такую заведомо невыгодную позицию, которая в итоге привела к гибели значительной части воинского состава дивизии. К концу сражения, то есть к двенадцати часам пополудни, от дивизии осталась только четверть прежнего состава. Остальные были либо убиты, либо ранены. В чем причина? В бездарности дивизионных командиров или в преднамеренном расчете стоящих над ними начальников? Быть может, солдат послали на убой только для того, чтобы отвлечь противника от другого места, где готовилось более широкое наступление?

Ваню спас теплый полущубок из овчины. Первую пулю он получил в спину. Она вонзилась в тело чуть ниже лопатки и замерла, прекратив свое смертоносное продвижение. Вероятно, толстая овчина как-то смогла погасить ее скорость. Вторая пуля, не задев кость, прошла насквозь левую руку у запястья. Лейтенант Левченко продолжал командовать своей ротой смертников.

Третья пуля прошла сквозь запястье правой руки, когда Иван, отдавая приказ, по привычке приподнял ее над головой. Держать винтовку было нечем. В восемь часов утра Левченко передал командование ротой политруку и под пулевым дождем пополз в медсанбат. Немцы яростным огнем пресекали любое движение в цепи солдат противника. Кругом раздавались стоны раненых и крики о помощи: «Сестричка, сестричка, помоги!» Часть санитарок погибла еще в начале боя, многие медсестры были ранены.

Иван кое-как дополз до ближайшего перелеска и там уже смог встать на ноги. В кустарнике он повстречал старшину из своей роты, который получил ранение в ногу и тоже направлялся в медсанбат. Опираясь друг на друга, они поковыляли дальше вместе. Пройдя несколько

метров, набрали на бойца, раненного в живот. Несчастный был еще жив и лежал в луже крови, окрасившей снег вокруг него в красно-бурый цвет. Он стонал от боли. Из раны вывалилась наружу часть кишок. Старшина осторожно заправил их в кровавую полость живота, после чего приподнял солдата, чтобы переложить на плащ-палатку. Тот вскрикнул, вздрогнул и замер уже навсегда.

В медсанбате женщина-военврач с красными от бессонницы глазами бегло осмотрела Ваню и уставшим голосом дала распоряжение медсестре перевязать лейтенанта. После оказания первой медицинской помощи Левченко посадили на телегу и вместе с другими ранеными довели до ближайшей железнодорожной станции, а потом поездом до госпиталя, расположенного в центре небольшого приволжского городка.

Запястья рук заживали медленно. Пулю из спины хирург извлекать не стал. Она залегла неглубоко в мышце, почти под кожей. Рана быстро затянулась, и присутствие кусочка металла в своем теле Иван практически не ощущал. Только небольшой твердый бугорок под левой лопаткой напоминал о его существовании.

Левченко спустился к набережной и медленно пошел по ней, любуясь гладью закованной в лед реки. Было морозно и ветрено. Овчинный полушубок надежно защищал от февральской стужи. На пустынном тротуаре набережной Ваня заметил двух девушек в ватниках, ушанках и добротных валенках, шедших ему навстречу. Лица красавиц покраснели от мороза. Поравнявшись с молодым лейтенантом, они что-то шепнули друг другу, рассмеялись и лукаво заглянули парню в глаза. Левченко проводил подруг долгим улыбчивым взглядом.

Ваня знал, что нравится девчонкам, но общаться с ними ему мешала то ли природная застенчивость, то ли отсутствие в этом плане жизненного опыта. Вечерние посиделки с деревенскими девчатами были не в счет. На высокого, плечистого и кареглазого Ивана заглядывались многие из них. Он же только добродушно отшучивался в ответ на намеки и заигрывания своих сельских, а позже городских, подружек.

Двадцатилетнего Ваню Левченко призвали в Красную армию осенью тридцать восьмого года из большого украинского села, привольно раскинувшегося у железной дороги неподалеку от городка с дремучим названием Конотоп. Железную дорогу крестьяне называли чугушкой, а Конотоп, согласно одной из легенд, основала царица Екатерина. Она повелела заложить город в том месте, где в весеннюю распутицу застряла ее карета с лошадьми по дороге в Крым. Другое народное поверье до сих пор хранит память о бравом казаке полковнике Конотопском, облюбовавшем эти места и основавшем здесь первое поселение.

Ваню направили сначала в одесскую Школу молодого бойца, где он пробыл две недели, а потом в небольшой город Знаменку. В Знаменке Левченко проучился восемь месяцев в школе сержантского состава, после чего получил назначение в Бессарабию. Потом была недолгая служба на пограничной заставе в должности помощника замполита и учеба в военном училище пограничных войск на Северном Кавказе, в Орджоникидзе. Выпуск офицеров, окончивших училище, должен был состояться осенью сорок первого года, но начавшаяся в июне война смешала планы. Курсантов досрочно выпустили в августе, перевезли в Тулу, где на базе училища сформировали 954-й полк, вошедший в состав дивизии НКВД.

Дивизию перебросили на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу. На этом фронте Левченко участвовал в боях в качестве командира взвода. Взвод был оснащен станковыми пулеметами, которые именовались в народе «Максимами». Они отлично зарекомендовали себя в боях, но обладали существенным недостатком: имели большую массу и быстро перегревались. За один из боев под Старой Руссой, в котором взвод Ивана, не потеряв ни одного человека, уничтожил отряд вражеской мотопехоты, Левченко наградили орденом Красной Звезды. Под Старой Руссой он был первый раз ранен осколком, попавшим в ягодицу и задевшим большеберцовый нерв. По этой причине с августа по декабрь пролежал в госпитале

города Кинешма. После выздоровления получил назначение на Западный фронт, где участвовал в боях до тех пор, пока не оказался трижды ранен в памятной бойне у деревни Мужиково.

Насмотревшись на покрытую льдом Волгу, Ваня дошел до небольшого, заваленного сугробами сквера, отдохнул на деревянной скамейке и направился на железнодорожный вокзал. Там он сел в поезд на Москву и на следующий день был уже в столице. С перрона Ярославского вокзала юноша вышел на просторную безлюдную площадь, где, прижавшись к тротуару, стояли две зеленые полторки. Легко договорившись с хмурым шофером одной из них, Иван доехал до Преображенской площади, а потом, пересев на другую попутную машину, попал в Богородское.

В этом районе Москвы дислоцировалась воинская часть с так называемым «выздоровливающим батальоном», в который Левченко получил направление из госпиталя. Через две недели, окончательно оправившись после ранения, он был зачислен в эту воинскую часть на должность адъютанта батальона с присвоением очередного воинского звания старшего лейтенанта. Полк был сформирован из офицеров и солдат, имеющих фронтной опыт.

В июле 1942 года началось одно из самых страшных и грандиозных сражений Великой Отечественной войны – Сталинградская битва, которая окончилась в начале декабря 1943 года капитуляцией Шестой немецкой армии, возглавляемой фельдмаршалом Паулюсом. Немцы потеряли 840 тысяч человек убитыми. 240 тысяч немецких солдат и офицеров попали в плен. Пленных надо было вывозить из-под Сталинграда вглубь страны, где для них были созданы специальные лагеря. В решении этой задачи наряду с другими полками НКВД участвовал полк, в котором служил старший лейтенант Левченко.

Однажды сумрачным декабрьским утром Ивана вызвал к себе в кабинет начальник батальона. С плотным, невысокого роста и чуть лысоватым майором Бурцевым у Левченко сложились неплохие отношения. Однако на этот раз Бурцев выглядел мрачным, задумчивым и раздраженным. Ответив на приветствия старшего лейтенанта, он без лишних слов сразу перешел к делу:

– Левченко, тебе необходимо с взводом солдат прибыть на станцию Калач под Сталинград. Там создан штаб по эвакуации пленных. Эвакуационным штабом руководит начштаба полка подполковник Свешников. От него получишь дальнейшие указания. Выезжать надо уже завтра. Ты понял приказ?

– Так точно, товарищ майор. – Иван козырнул и, не желая лишними расспросами нервировать батальонного командира, вышел из кабинета.

Через несколько дней пассажирский поезд доставил старшего лейтенанта со взводом бойцов к месту назначения. Левченко в штабе эвакуации доложил о своем прибытии и спустя некоторое время был принят подполковником Свешниковым. Начальник штаба ознакомил Ивана со сложившейся на этом участке фронта ситуацией и приказал укомплектовать, а потом сопроводить в глубокий тыл эшелон с бывшими немецкими военнослужащими. Пленных требовалось погрузить в вагоны, снабдить водой, продовольствием и инвентарем, а затем перевезти в город Синежск для дальнейшей передислокации.

К перрону станции Калач, наспех восстановленному после многочисленных бомбежек, подали состав из семидесяти товарных вагонов. Часть из них были четырехосными, другие же имели две оси и, соответственно, меньшие габариты. Постепенно вокзальный перрон стал заполняться пленными солдатами и офицерами, которых колоннами приводили конвоиры. Немцы в тонких шинелях и лохмотьях тесно жались друг к другу, пытаясь как-то согреться на декабрьском морозе. Среди физически истощенных и морально измученных людей было много больных и сильно обмороженных.

В вагонах, поданных под погрузку пленных, имелись только доски для установки нар. Отсутствовали печи, необходимые для отопления в холодное зимнее время года. Каждый четырехосный вагон вместил около шестидесяти человек, а двухосный – примерно сорок. Такой

огромный состав охранялся одним взводом солдат численностью в двенадцать человек, тринадцатым был двадцатипятилетний Левченко. Ивана волновали вопросы, связанные с обеспечением людей водой, продовольствием и необходимым в дороге инвентарем. На станции Калач в снабжении отказали. Начальник штаба заверил старшего лейтенанта, что все необходимое он получит на первой же остановке по пути следования. Эшелон, загруженный до отказа пленными, отправился в путь.

На первой станции обещанные продукты и воду к эшелону не подвезли, сославшись на то, что в лагере для пленных вблизи станции свирепствует тиф. Начальник следующей станции, от здания которой остались только уцелевший угол и руины стен, сказал, что из продуктов у него имеется лишь селедка. Нашлось также немного ведер, мисок и металлических кружек. Ну что ж, и на том спасибо. Надо двигаться дальше. Просоленная селедка, которую раздали пленным, не могла утолить жажду, она только обостряла ее. Воды не было.

Эшелон продвигался медленно, делая частые остановки на полустанках. Подолгу стоял на станциях, пропуская другие железнодорожные составы. Во время таких остановок набирали ведрами в поле снег и раздавали пленным вместо питьевой воды. Иногда водой запасались на станционных водокачках. Скоро проблемы с инвентарем были решены, хуже обстояло дело с поставками продуктов. В голодной, разоренной войной стране, живущей по карточной системе, не хватало продуктов питания для населения, а тут еще и пленные. О продвижении эшелона Левченко телефонировал из одной железнодорожной станции на другую, требуя продовольственных поставок. Еду давали в виде хлеба, сухарей, сахара и селедки. Больше голода и жажды людей мучил холод.

Отношение к подопечным у Ивана резко изменилось. Если на поле боя в каждом немце он видел ненавистного, злобствующего и несущего смерть врага, то сейчас перед ним были изголодавшиеся, измученные морозом люди, за жизнь которых он нес ответственность.

Старший лейтенант Левченко с несколькими солдатами делал обязательные обходы поезда. Из них самым трудным был утренний. Обычно во время утреннего обхода кто-нибудь из пленных громко стучал в дверь вагона и кричал: «Камрад, камрад!» Солдаты отодвигали засов тяжелой деревянной двери, и немец показывал несколько пальцев. Количество пальцев означало число умерших за ночь людей. Иногда это число доходило до пяти в вагоне. Умирили обычно наиболее ослабленные и больные. С трупами надо было что-то делать. Декабрьский холод не давал телам разлагаться, и Левченко решил складировать трупы в двух последних вагонах состава, а ехавших там людей разместить по другим местам.

На одной из станций эшелон задержали дольше обычного. Ждали скорый, который надо было пропустить. Наконец поезд прибыл. В нем было всего четыре пассажирских вагона. Спрыгнувший со ступенек последнего вагона офицер направился к составу с пленными. Левченко понял, что приехало какое-то начальство, и поспешил навстречу. Подойдя поближе, Иван узнал в офицере заместителя командира полка Дудинского. Поздоровались, Дудинский расспросил о делах, а потом, выслушав Левченко, сказал:

– Пойдем, Иван, со мной, я покажу тебе фельдмаршала Паулюса. Мы возьмем его со штабом в лагерь под Москву.

Бывший командующий Шестой армией, штурмовавшей Сталинград, фельдмаршал Паулюс вместе с начальником штаба армии занимал первый вагон поезда. Высокий и чисто выбритый фельдмаршал сидел на нижней полке в купе. Одет он был в хорошо пригнанный по художавой фигуре китель темно-серого цвета со всеми знаками отличия, соответствующими столь высокому воинскому званию. На его пальце Левченко заметил дорогой перстень, а на столике – раскрытую коробку папирос «Казбек», ставших большой редкостью в тяжелое военное время. Начальника штаба Шестой армии разместили в соседнем купе. Коридор заполняла дежурившая охрана. В двух соседних вагонах поезда с чуть меньшим комфортом ехали элитные штаб-

ные офицеры. Последний, четвертый, занимал Дудинский с сопровождающими его военнослужащими.

Поделившись с заместителем командира полка впечатлениями от увиденного, Левченко простился с Дудинским, проводил его поезд, отъезжающий от перрона, и поспешил к своему эшелону. Очень скоро состав, забитый до отказа пленными офицерами и солдатами Вермахта, снова отправился в путь. Он тяжело и упорно продолжал движение на Север к пункту назначения.

В Синежск прибыли рано утром. Всю ночь здесь была метель, перрон и железнодорожные пути еще не успели полностью очистить от снега. Небо местами прояснилось, и из-за туч проглядывало солнце.

– Морозный солнечный денек, – прыгнув со ступеньки своего вагона, весело проговорил Ваня. Он подозвал солдат, сделал привычный утренний обход эшелона и направился к начальнику станции, чтобы доложить ему о прибытии.

Немолодой, надломленный войной и своей нелегкой службой, станционный начальник встретил старшего лейтенанта дружелюбно. Выслушав Левченко, он кивнул головой и сиплым простуженным голосом сказал, что накануне был уведомлен по телефону о прибытии эшелона. Состав оттащат на запасной путь, а потом разгрузят. Пленных немцев отведет в лагерь отряд конвоиров, ожидающий прибытия поезда на вокзале.

– У меня два вагона трупов. – Левченко внимательно посмотрел на начальника станции, с лица которого при этих словах стала сползать дружелюбная улыбка. – Их надо куда-то девать.

– А куда я их дену? – возмутился железнодорожник. – Ты что, прикажешь, твою мать, хоронить мне их самому? У меня нет людей, которые могли бы заняться трупами.

– Люди найдутся. Степан Николаевич, пощадите, подпишите акт о приемке эшелона.

– И не надейся, с двумя вагонами трупов акт не подпишу. – Он подошел к окну и, глядя на перрон, о чем-то сосредоточенно задумался. Затем, повернувшись к Левченко, окинул его внимательным взглядом прищуренных глаз. – Зайди, лейтенант, ко мне вечером. Попьем с тобой чайку, потолкуем.

– Обязательно зайду, Степан Николаевич. До скорой встречи! – Ваня улыбнулся железнодорожнику и поспешно вышел из тесного, жарко натопленного кабинета. Закрыв за собой обитую черным дерматином дверь, он тяжело вздохнул, помедлил и чуть слышно проговорил: – Если до вечера доживу.

Быстро спустившись по старой, стертой бесчисленным количеством подошв лестнице на первый этаж, Иван покинул здание вокзала и направился к эшелону, где его уже поджидали подошедшие раньше конвоиры. Левченко отдал приказ солдатам взвода открыть вагоны с пленными и начать выгрузку людей. Немцы, вылезая из насиженных мест, строились в колонны. Колонны смыкались, образуя длинную серую людскую реку, по обе стороны сдерживаемую конвоирами. Один из охранников, повернув голову к пленным, вдруг крикнул громко и чуть протяжно:

– За-пе-вай!

Шатающиеся от изнеможения люди, взявшись за руки, запели «Катюшу». Песню подхватили другие, и она понеслась вдоль медленно текущего серого потока.

– Ты смотри, по-русски запели, – засмеялся солдат, стоящий рядом с Иваном. – Эти до лагеря дойдут, «Катюша» и не таким помогала.

– Дойдут, куда им деваться, – согласился с ним Левченко.

Весь оставшийся день Ваню не покидала мысль о двух вагонах с трупами. Он пошел на скудный местный рынок, купил из-под полы небольшую бутылку самогона, тушенку, хлеб. Добавил к купленным продуктам остатки своего пайка: сахар, сгущенку, крупу и селедку. Сложил все это добро в вещмешок и отправился на станцию.

Начальник станции ждал его. Левченко выложил на стол содержимое вещмешка. Глаза железнодорожника жадно заблестели. Они вдвоем распили полбутылки самогонки, закусили селедкой. Под легким хмельком потолковали о проблемах. Станционный начальник, смахивая тыльной стороной руки пот со лба, улыбнулся Ивану.

– Хороший ты парень, старший лейтенант. Молодой, правда, но хороший. Не хочется тебя губить. Давай акт, подпишу.

– Спасибо, Степан Николаевич. Век доброту Вашу не забуду.

– С составом я разберусь. Отцеплю вагоны с трупами, оттащу в тупик, а там будет видно.

Через минут пятнадцать, с актом о приемке эшелона в руках и пустым вещмешком за плечами, Иван уже спешил к своему взводу.

Поздно ночью Левченко с сослуживцами сел в проходящий через Синежск пассажирский поезд до Москвы и через двое суток пути был в Богородском.

Потекли однообразные армейские будни. Примерно через месяц после возвращения из командировки в Калач, Левченко было приказано явиться в штаб дивизии. Взволнованный старший лейтенант, путаясь в догадках, предстал перед начальником штаба дивизии полковником Свибловым. О Свиблове в дивизии ходили слухи как о человеке, на которого можно положиться. Высокий, чуть сутулый, в ладно скроенном по фигуре кителе, начальник штаба был сдержан в словах и прост в общении.

– Садись, старший лейтенант, я вызвал тебя вот по какому вопросу. Мы получили бумагу из Управления войсками НКВД. В Управлении недовольны большой смертностью немцев при эвакуации из-под Сталинграда, требуют объяснить причины гибели пленных.

– Товарищ полковник, я объясню. – Левченко подробно доложил Свиблову обо всех проблемах, с которыми пришлось столкнуться при перевозке заключенных. Он рассказал о непригодности вагонов для транспортировки людей, об отсутствии в них спальных мест и печей, о плохом снабжении в пути продовольствием, питьевой водой и инвентарем. Людям, коченеющим от холода в дороге, нужна, хоть изредка, горячая пища. Левченко говорил взволнованно и убежденно о том, что среди пленных уже при посадке в Калаче было много больных, обмороженных и физически истощенных людей, нуждавшихся в серьезной медицинской помощи. Ее оказать в пути не могли из-за отсутствия в эшелоне медработника.

Свиблов внимательно выслушал старшего лейтенанта, прошелся по кабинету и после небольшой паузы сказал:

– Я все понял, Левченко. Управление разослало бумаги, подобные той, что мы получили, в несколько дивизий. Видно, смертность у них не меньше, чем у нас, а может быть, и больше. Ступай, будь спокоен, мы отпишемся.

Ваня вышел из штаба, полной грудью вдохнул свежий морозный воздух. Ясная синь безоблачного неба, тени деревьев и солнечные сверкающие блики на чистом снегу помогли ему прийти в себя и настроиться на мажорный лад.

Повседневная суета оттеснила и немного затерла воспоминания о трудной декабрьской командировке. Но порой они отчетливо всплывали в сознании Левченко грудой мертвых тел на белом снегу, смрадом вагонов, заполненных нематыми, вшивыми человеческими телами, мрачными лицами измученных холодом и голодом людей. Позже из разговоров с сослуживцами Иван узнал, что условия транспортировки пленных изменились к лучшему. Сформированы и курсируют эшелоны, вагоны которых укомплектованы нарами, печами для отопления, аптечками и необходимым инвентарем.

Прыжок

Тамара Сергеевна проводила мужа до входной двери и, пожелав ему удачного дня, тяжело вздохнула. Будет ли этот день удачным для Станислава? Она знала, что в Управлении сменили начальника. Вновь назначенный руководитель формирует под себя новую команду. Стас хорошо ладил со старой администрацией. Может быть, найдет общий язык и с новой? А впрочем, только Бог знает, как все обернется. Тамара Сергеевна обвела глазами кухню, остановила свой взгляд на чашках и тарелках с остатками пищи. Каждый день стирка, уборка, завтраки, ужины, толчея в супермаркетах. Как все это надоело! Хорошо еще, что девочки пристроены и живут отдельно.

Очень давно, лет тридцать назад, Тамара окончила институт иностранных языков и сразу же вышла замуж. Прекрасно владея двумя иностранными языками, она все годы своего замужества просидела дома, верно служа мужу и двум дочерям. Девочки выросли, обзавелись семьями и покинули родительский кров, а Тамара Сергеевна, как верный страж, упорно продолжала оберегать пламя семейного очага.

Сейчас в трех просторных комнатах им со Стасом живет спокойно и удобно. А как начинали совместную жизнь? Страшно вспомнить! Ее, молодую невестку, муж перевез из Киева в город, где жили его родители. В двухкомнатной квартирке площадью около тридцати квадратных метров как-то умудрялись помещаться сначала пять человек, включая незамужнюю сестру Стаса, а потом, после рождения дочерей – семь. Вскоре Стасу на работе выделили просторное жилье, и все домочадцы вздохнули свободно. Через несколько лет он был переведен на руководящую должность в крупный областной центр, поэтому школу дочерям пришлось заканчивать уже в другом городе. Проучившись положенный срок в вузах, они вышли замуж и успели порадовать родителей внуками. Жизнь складывалась прекрасно. И вот на тебе! Из-за алчности смещенного начальника все летит в тартарары. Где муж в случае увольнения найдет столь высокооплачиваемую работу? В его-то возрасте? Впрочем, у него есть довольно крепкие связи. Ну да ладно, не надо гадать, поживем – увидим.

Покончив с домашними делами, тщательно прибрал на кухне, Тамара Сергеевна занялась собой. Она любила к приходу мужа быть во всеоружии, с легким макияжем на уже немолодом, но ухоженном лице. К этому, сам того не ведая, ее приучил Станислав Владимирович. Он еще с юношеской поры любил красиво и модно одеться. С годами это вошло у него в привычку. Высокий, темноволосый, элегантный мужчина очень нравился женщинам. К тому же он легко шутил, был незлобив и ласков с представительницами противоположного пола. Тамара Сергеевна знала об этом и ревновала Стаса. Подозревая в каждой женщине соперницу, она пыталась скрыть чувство ревности. Будучи от природы догадливой и неглупой, понимала, что удержать мужа в семье можно не бранью и ссорами, а любовью и заботой. Надежным оружием в ее каждодневной борьбе за супруга были дочери. Они боготворили отца, и он отвечал им тем же.

Станислав Владимирович Хлебников вернулся с работы домой хмурый и на вопрос жены о делах только устало махнул рукой и вяло произнес:

– Потом, потом о делах.

Переодевшись, он шумно плескался в ванной комнате, затем прошел на кухню и сел за накрытый стол. Долго молча ел и наконец, внимательно посмотрел в глаза жене, сидевшей напротив.

– Все, Тома, отработался я.

– Что значит отработался? Тебя уволили? – Глаза Тамары выражали одновременно жалость и испуг.

– Нет, не уволили, а предложили другую должность, причем не без умысла. Новоявленный шеф прекрасно понимает, что я откажусь от кресла, занимая которое буду вынужден рабо-

тать под прямым руководством сослуживца, бывшего прежде в моем подчинении. К тому же мне придется по службе косвенно зависеть еще от нескольких человек, которыми я руководил. Это сильно бьет по самолюбию. Среди них обязательно найдутся такие, кто захочет на мне отыграться.

– И что же ты решил? Уволиться и сидеть дома без работы?

– Возьму сначала отпуск, а потом напишу заявление об увольнении. Хочу оттаять душой, съездить в город, где провел детство, повидать сестру, навестить могилы родителей. Поедешь со мной?

– Конечно, поеду. Мне кажется, поездка отвлечет нас от неприятностей. А там, глядишь, все утрясется и встанет на свои места.

– А если не утрясется?

– Не волнуйся, Стас, мы с тобой не бедные люди, есть у нас кое-что и на черный день.

– Как дела у девочек? Ты им звонила?

– Да. Аня жаловалась на Дениса. У него проблемы с математикой. Наташа сидит на больничном, Аленка заболела ангиной. Вчера температура была тридцать восемь. Сегодня высокой температуры нет, девочка чувствует себя лучше.

– Посоветуй Ане нанять Денису хорошего репетитора, а Аленке я сам позвоню, давно не разговаривал с внучкой.

Поговорив еще немного с женой об общих знакомых, Станислав Владимирович перешел в гостиную к телевизору, а Тамара Сергеевна, убрав со стола и перебив посуду, присела на кухне отдохнуть. Взгляд ее задумчиво скользил по окну, в которое билась голая березовая ветка, раскачиваемая порывами ветра.

Город, где прошли детство и юность Хлебникова, был уже досыта напоен весной. Она окутала его дома и улицы тончайшей розовой дымкой, пропитала своим дыханием свежий, еще прохладный воздух. Весенние токи разбудили ветки старых платанов, и на их гладкой коре появились набухшие, готовые раскрыться почки. Талый лед переполнил реку, бурные воды которой с шумом бились о камни набережной, ограниченной серым гранитным парапетом. Весна, подобно умелому живописцу, раскрасила цепь горных хребтов, прижимавших древние городские кварталы к руслу реки, в нежно-лиловый цвет и замерла в ожидании того момента, когда пробившиеся к жизни робкие молодые листья украсят деревья старых улиц, а горы и городские скверы запестрят разноцветьем весенних трав и цветов.

Остановились Хлебниковы в пустующей родительской квартире, ключи от которой передала им младшая сестра Стаса Полина. Она с мужем тепло встретила дорогих гостей, щедро их угостила, а потом отвезла брата с золовкой к родительскому дому. Дом осел, постарел, нуждался в капитальном ремонте, но все еще бодро смотрел окнами застекленных лоджий на своего брата-близнеца, стоящего напротив, и на заросший деревьями и кустами сквер, разделяющий их. Он был построен в середине шестидесятых годов прошлого века на месте двухэтажного деревянного, оштукатуренного снаружи и изнутри барака, который вмещал множество семей, владеющих одной или двумя жилыми комнатами. На квадратных лестничных площадках у комнатных дверей теснились тумбочки, табуретки с керогазами и примусами. Около них хлопотали хозяйки.

Белье они стирали на улице, у колонки с водой. Наблюдательному Стасику врезались в детскую память красные от мороза и ледяной воды руки женщины, полоскавшей белоснежные простыни и пододеяльник. Развешивали белье во дворе на длинных веревках, поддерживаемых высокими палками. Простыни, пододеяльники, наволочки, рубашки надувались ветром, как паруса на фрегате. Там же, во дворе, стыдливо прислонясь к забору, стоял большой серый туалет, сложенный из кирпича и хорошо оштукатуренный. Справа три очка для женщин, слева столько же для мужчин, а между ними перегородка. Позже, побывав в Италии и насмотрев-

шись на развалины древнеримских городов, Стас заметил, что древние римляне в этом столь необходимом для человека деле намного обошли нас, живших в трудное послевоенное время. Еще запомнились серые деревянные сараи. Они растянулись вдоль забора на небольшом расстоянии от туалета. Чего в них только не было! Но в основном их использовали для хранения дров и угля, которыми зимой топили печи.

В большом деревянном помещицьем особняке, что стоял напротив барака, располагался детский сад. В нем проводила время детвора со всей округи. Ребятишки, одетые в одинаковые темно-синие сатиновые халатики, выстроившись поочередно парами, выходили на прогулку во двор. По праздникам синие халаты менялись на белые.

К бараку и барскому дому прилегал сад с шелковичными и гранатовыми деревьями, окантованный кустами низкорослой туи. По другую сторону от барского особняка возвышалось большое трехэтажное каменное здание, построенное немецкими пленными и прозванное в народе «белым домом». «Белым» называли этот дом не только из-за бледно-желтого цвета стен, белых карнизов и наличников на окнах, но еще и потому, что в нем проживало местное начальство. В просторных квартирах, спроектированных немцами на одну семью, вмещались две, а то и три. Квартирные секции включали кухню, были снабжены туалетами, ванными комнатами и балконами, выходящими к большому фруктовому саду и украшенными роскошными балясинами.

Двор – о нем разговор особый – был местом, где играли, любили, карали и миловали. Просторный и уютный, он вмещал в себя дома с большой площадкой между ними, сквер, шелковичный сад, ряды тополей, оберегавших «белый дом». Особой достопримечательностью двора была вековая белая акация, возвышавшаяся исполином над площадкой. У ее необъятного ствола, под раскидистой душистой кроной, жильцы прятались от палящих лучей летнего солнца. Украшением двора была также вымощенная булыжником дорожка, обсаженная рослыми кипарисами. Она вела от бывшего помещицкого дома к бараку и заканчивалась у небольшого круглого бассейна с плавающими в нем золотыми рыбками.

Жизнь нескольких поколений прошла на виду у двора. Одни рождались и росли, другие старились и умирали. Здесь праздновали шумные свадьбы, дни рождения, праздники с застольями и танцами. Многолюдно и тихо провожали в последний путь. Двор формировал характеры своих обитателей, ломал или правил их судьбы. В этом дворе Стас впервые почувствовал, что нравится женщинам.

Ему всегда было с ними легко и просто. Среди верных дворовых подруг выделялась девочка, вызывающая неизменную радость и легкое волнение при встречах. Она была молчаливей подружек и на шутки Стаса отвечала улыбкой внимательных, чуть печальных карих глаз, которые завораживали Стаса так, что порой трудно было оторвать от них взгляд. Ему постоянно хотелось видеть ее, общаться с ней, дарить маленькие незатейливые подарки, защищать от колких слов сверстников. Эта обоюдная симпатия – а может быть, первое, робкое, неловкое и не умеющее в полную силу проявить себя чувство любви – оставалась в нем жить все школьные годы.

Случай помог семнадцатилетнему Стасу сойтись с женщиной, жившей по соседству. Ее муж, любивший чарку намного больше жены, ушел к другой, рябой и старой, всегда державшей для него чекушку водки, которой он так дорожил. Красивая и статная Светлана, потратившая много лет жизни на борьбу с пьянством мужа, осталась жить с дочкой Ирочкой на тощую учительскую зарплату. Нерешительный намек Стаса она поняла сразу и тут же ответила согласием, после чего он стал частым гостем в ее квартире. Эта связь продолжалась бы, наверное, очень долго, если бы не козни сварливой соседки Лидии Петровны, чей сын тоже заходил к Свете. Лидия Петровна ловко и умело распустила слухи об аморальном поведении Светланы и в подтверждение своих слов вывесила на доске объявлений список ухажеров Светы, в котором была фамилия Стаса, но не значились имя и фамилия ее сына. После серьезного и продолжитель-

ного разговора с родителями Стас на всю жизнь уяснил себе, что подобные связи могут запятнать репутацию и их надо скрывать. Собственно говоря, он так и поступал все время, даже после женитьбы на Тамаре, с которой судьба свела его в Киеве, где Хлебников был проездом по делам.

Двухнедельный отдых в родном городе слегка развеял мрачные мысли Хлебникова, связанные с работой, снял внутреннее напряжение. Станислав Владимирович выполнил все, что планировал, поклонился могилам родителей, повидал сестру и племянников, побродил по знакомым улицам. Незадолго до отъезда он с женой был приглашен в дом своего институтского друга, связь с которым не прерывал почти три десятилетия. За празднично сервированным столом собралось много гостей. Тосты следовали один за другим, вино, как говорят, лилось рекой. Пили за хозяина и его семью, хвалили хозяйку и ее кулинарные способности, не забыли поднять бокалы за каждого гостя в отдельности, помянули выбывших из жизни знакомых и родственников, выпили за светлое будущее.

Далеко за полночь, будучи в изрядном подпитии, стали расходиться. К Станиславу Владимировичу подошел один из гостей – Алексей Зацепин, их познакомил хозяин. Он попросил оказать ему небольшую услугу – передать презент пожилой даме, проживающей со Стасом в одном городе. Алексей пояснил, что дама – известная балерина Надежда Ольховская – танцевала когда-то на сцене с его отцом. Алексей знает ее с детских лет и хотел бы порадовать небольшим подарком. Станислав Владимирович ответил согласием, и на следующий день Зацепин привез ему пакет, в котором были бутылка вина в подарочной упаковке, нарядная коробка шоколадных конфет и листок бумаги с адресом балерины.

Уволили и рассчитали Хлебникова быстро. Правда, новый начальник, прежде чем подписать заявление об уходе, стал убеждать Станислава Владимировича еще раз обдумать свое решение. Он медлил, вздыхал, говорил, что высоко ценит деловые качества Хлебникова и очень огорчен тем, что тот покидает Управление. Стас прекрасно понимал, что за всем этим кроется желание шефа остаться в тени, сохранить нормы приличия и оставить в памяти подчиненного хорошее о себе мнение.

Станислав Владимирович не был зеленым юнцом и многое повидал в жизни. Годы научили его дорожить мужской дружбой, трезво оценивать любую ситуацию и просчитывать последствия своих решений и поступков на несколько месяцев, а то и лет вперед. Он хорошо знал себе цену и понимал, что со своим опытом и связями не останется без работы. Более того, Стас уже обговорил вопрос о новом месте службы с генеральным директором одной из крупных фирм города. Станислав Владимирович был, что называется, на короткой ноге с этим человеком и не сомневался в его помощи. Однако Павел Степанович – так звали генерального директора – попросил Стаса немного подождать. Чиновник, место которого было обещано Стасу, должен через месяц уйти на заслуженный отдых.

Тамара Сергеевна спокойно отнеслась к свершившемуся факту. Обдумав сложившуюся ситуацию, она предложила мужу поехать отдохнуть и подлечиться в санаторий. Однако Хлебников решительно отказался от санаторного отдыха и лечения, сославшись на то, что отдыхать предпочитает у себя на даче в Лаптево.

Станислав Владимирович не любил конец марта и начало апреля. Зима, не желая сдавать отвоеванные у осени позиции, заливала улицы и дома города мелким морозящим дождем, пришедшим на смену снегу. На остатках снежного покрова и проплешинах освободившейся от него земли были особенно заметны следы зимней деятельности людей и собак, окурки, мелкий мусор, собачьи нечистоты. Через две-три недели все это исчезнет под лучами весеннего солнца. Засуетятся коммунальные службы, начнется расчистка дворов и улиц, покраска домов и заборов. Ну а пока надо пережить слякоть, дождь и весеннюю распутицу. Перед отъездом

в Лаптево Хлебников попросил жену съездить к Надежде Ольховской и передать ей подарок от Алексея.

К даче своей Станислав Владимирович относился с особой любовью, несмотря на все ее недостатки. Небольшой бревенчатый дом существовал уже лет двадцать. Благодаря физическим усилиям хозяев и ежегодным денежным вложениям, дом, окруженный цветником и фруктовым садом, хорошо сохранился и выглядел добротным. В его небольших комнатах было тепло и уютно. Деревья, много лет назад посаженные хозяевами, разрослись вширь и ввысь, радуя обилием яблок, слив, вишен и груш. Цветы, любовно и умело выращенные Тамарой Сергеевной, ежегодно с мая по сентябрь одаривали владельцев буйным цветением.

Станислав Владимирович знал, что ни дом, ни сад не соответствуют его жизненному статусу. Многие знакомые Хлебникова имели богатые особняки с участками земли, возделанной руками наемных работников и ландшафтных дизайнеров. Его же скромный дом с садом были не для публичного показа, а для души, и он берег их как привычное место уединения и душевного покоя.

Тамара Сергеевна, проводив мужа, решила навестить Ольховскую. Она не могла предупредить ее о своем визите, так как Зацепин не знал номер телефона балерины и в записке указал только домашний адрес. Ехать пришлось недолго, всего несколько остановок на метро. Внушительных размеров многоэтажный дом, построенный еще при Сталине, находился в ста метрах от центральной улицы города. Тамара прошла через двор к входу и оказалась в просторном холле. Сидевшая там консьержка поинтересовалась, к кому пришла Тамара Сергеевна, и любезно подсказала этаж. Поднявшись по лестницам, устланным ковровыми дорожками, на второй этаж, Хлебникова оказалась у нужной ей двери и нажала на кнопку звонка. Через несколько минут дверь открылась, на пороге появилась невысокого роста, щуплая, милостивая и очень пожилая женщина в старом тренировочном костюме.

– Здравствуйте! Я пришла к Надежде Васильевне. Она здесь проживает?

– Да-да, здесь, проходите. Надюша, к тебе гостя, – крикнула женщина вглубь широкого коридора.

– Тоня, проводи гостью в гостиную. Я сейчас, – раздался приятный женский голос.

– Сюда, пожалуйста. – Женщина провела Тамару в просторную светлую комнату и усадила в старое кресло. – Меня зовут Антонина Ивановна, Надежда Васильевна сейчас к Вам выйдет.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец открылась дверь, ведущая в соседнюю комнату, и Тамара Сергеевна увидела старую даму, опирающуюся на костыли. Дама поздоровалась, лицо ее, еще хранившее остатки тонкой красоты, осветила улыбка. Поддерживаемая Антониной Ивановной, Надежда Васильевна с трудом села в кресло напротив Тамары.

– Вы ко мне по делу? – Она внимательным взглядом окинула гостью.

– Я принесла Вам подарок от Алексея Зацепина, – улыбнулась Тамара Васильевна. – Мы с мужем две недели назад вернулись из города, где он живет. С Зацепиным нас познакомил институтский друг мужа. Узнав, откуда мы приехали, Алексей рассказал о Вас, о том, что Вы были дружны с его отцом, выступали вместе на сцене.

– Да, я танцевала с его отцом Петром Даниловичем. Он был прекрасным партнером, сильным, надежным. Очень эффектно получался у нас с ним Вальс Мошковского! – Она вздохнула, легкая улыбка тронула губы. – Кстати, как его здоровье? Он еще жив?

– К сожалению, нет.

– Жалко, что Петр ушел из жизни. – Женщина на минуту задумалась, глядя мимо собеседницы в сторону окна, потом медленно перевела взгляд на Тамару. – Я помню Алешу, замечательный был мальчик, такой подвижный, смысленный. Жаль, что не пошел в отца, не получился из него балетный танцор. Зато балетоман хороший! – отбросив грусть, уже почти весело

проговорила Надежда Васильевна. – Вино, конфеты... Очень хорошо, спасибо, – рассматривая содержимое пакета, сказала она. – Антонина, ставь чайник, будем пить чай с конфетами.

Тамара Сергеевна пробыла в гостях у Ольховской довольно долго. Пили чай с вареньем и конфетами, рассматривали старые пожелтевшие фотографии, говорили о трудном быте двух пожилых больных женщин. Перед уходом, оставив хозяйкам номер своего телефона, Тамара Сергеевна сказала, что всегда сможет помочь им в решении бытовых проблем, и, пожелав здоровья, распрощалась.

Дни текли привычной чередой. Посвежевший и отдохнувший, Станислав Владимирович вернулся с дачи. Тамара Сергеевна готовилась к Пасхе. В канун праздника, когда квартира сверкала чистотой, а нарядные куличики с крашеными яйцами ждали своего часа, Тамара вдруг вспомнила о двух старушках, у которых побывала в гостях.

– Надо бы позвонить им, поздравить с праздником, – подумала она.

К телефону подошла Антонина Ивановна и, поблагодарив за поздравление, стала жаловаться на жизнь.

– Наденька совсем плоха, не может встать с постели, – сетовала женщина. – За ней теперь так трудно ухаживать! У меня из-за свалившейся на нас беды подскочило давление. – Антонина Ивановна всхлинула, пытаясь сдержать слезы. – Не могу выйти из дома за продуктами, кружится голова, боюсь упасть на улице.

Тамара, желая успокоить старушку, пообещала к ней приехать. Она попросила мужа подвезти ее к Ольховской на машине. Стаса не пришлось долго уговаривать, ему надоело сидеть дома без дела. Супруги заехали в супермаркет, отоварились там и, загрузив покупками машину, отправились к Ольховской.

В огромной квартире старой балерины царили кавардак и сумятица. Заплаканная Антонина Ивановна не знала, как говорят, за что братья. Она бестолково переключала вещи с одного места на другое, охала, причитала, вздыхала. Женщина была рада привезенным продуктам и гостям, от которых, по всей видимости, ждала дельного совета и конкретной помощи. Усадив Хлебниковых, Антонина Ивановна зашла в спальню к Надежде Васильевне, долго о чем-то с ней шепталась и наконец вышла к Тамаре и Стасу, ждавшим ее в гостиной. Присев на старинный диван напротив супругов, она тяжело вздохнула.

– Надежда Васильевна настолько слаба, что не может выйти к вам, вы уж извините. Ноги у нее больные, мучается, бедняжка, уже много лет. Раньше передвигалась по квартире на костылях, гулять я вывозила ее во двор в инвалидном кресле, а сейчас, – старушка горестно махнула рукой, – уже неделю вообще встать на ноги не может. Да и сердце у нее слабое. Беда, ну просто беда!

– Что говорят врачи? Они осматривали больную? – спросил Хлебников.

– А как же! Я вызывала неотложку, Надежде делали уколы. Приходила участковый врач, выписала новые лекарства. Она к нам ходит регулярно, мы у нее на особом счету. Правда, толку от всего этого мало, с каждым днем Наде все хуже и хуже.

– Антонина Ивановна, Вы с Надеждой Васильевной сестры? – поинтересовалась Тамара. – Вроде бы не похожи, да и отчества разные.

– У нас с ней нет кровного родства. Я живу в доме Ольховских с детства. Меня удочерил отец Надежды Василий Яковлевич. Мы с ней вместе выросли и состарились. Всю жизнь вместе. Правда, Надюша два раза была замужем, а я так и не вышла.

– Ну а дети? Дети у Надежды Васильевны есть? Могли бы помочь? – Тамара ласково улыбнулась женщине.

– Нет, детей нет. Она ведь у нас была заслуженной и очень талантливой балериной. Вся в работе, труженица, общественница, член партии. Много ездила с гастролями по стране, выступала за рубежом. Дети могли помешать блестящей карьере. Я понимаю, что в теперешнем ее положении это звучит как насмешка. А тогда, много лет назад, все это было очень важно.

Она танцевала, а я заботилась о ней, ее муже, вела дом. Так уж повелось. Годы, прожитые вместе, нас сроднили.

– Извините за бестактность. – Станислав Владимирович обвел внимательным взглядом стены комнаты. – Вы пожилая женщина, вам трудно одной, побеспокойте родственников, пусть помогут.

– Вся беда в том, что близких родственников у нас нет. – Антонина Ивановна печально усмехнулась. – Может быть, и существуют дальние где-то, да о себе не заявляют, и мы их не знаем. Живет, правда, в этом городе двоюродный племянник Нади, раньше иногда навещал нас, звонил. Но вот уже несколько месяцев не появляется и на звонки не отвечает.

Неожиданно из спальни раздался громкий стук упавших на пол предметов и слабый голос Надежды Васильевны:

– Тоня, помоги! Тоня!

– Сейчас иду, Надюша, подожди. – Антонина Ивановна вскочила с дивана и заспешила в соседнюю комнату. – Что же ты, Надя, наделала! Ой, тяжелая какая! – раздался из спальни ее голос. – Тамара Сергеевна, помогите мне, пожалуйста!

Тамара вбежала в спальню. Она испугалась, увидев лежащую на полу Надежду Васильевну. Рядом валялись костыли и опрокинутый стул. Руки старой женщины судорожно цеплялись за край простыни, ноги бессильно раскинулись на полу. Антонина Ивановна безрезультатно пыталась уложить Надежду Васильевну на кровать, подоспевшая Тамара помогла ей в этом.

– Надя, я просила тебя не вставать. Что ты как маленькая, ей-богу! Тебе трудно было меня позвать? – причитала Антонина Ивановна, успокаивая подругу и поправляя на ней одеяло. Она села на стул у кровати, ее натруженные руки коснулись плеча бывшей балерины, погладили тонкие волосы на седой голове.

– Чем Вам помочь? – спросила Тамара, глядя на смущенную Надежду Васильевну. Она заметила, что та стыдится своего теперешнего положения и хочет извиниться за причиненный переполох. – Я все понимаю. – Тамара жестом остановила Надежду Васильевну, которая сделала попытку оправдаться. – Антонина Ивановна, дайте, пожалуйста, рецепт. Стас ходит в аптеку за лекарствами.

Оставив двух женщин в спальне, Тамара Сергеевна вышла в гостиную к мужу.

– Что там стряслось? – Стас посмотрел на жену. – Совсем плохо?

– Да, плохо. Надежда Васильевна хотела самостоятельно встать с постели, но не смогла, упала на пол. Мы ее уложили в кровать. – Тамара сдвинула брови, покачала головой и задумчивым взглядом окинула комнату. – Стас, будь добр, съезди за лекарствами. – Она протянула рецепт мужу. – Я пока немного приберусь в комнате и на кухне.

Вернувшийся Станислав Владимирович застал жену у плиты, Тамара варила бульон. Она успела навести относительный порядок в комнатах, перемыла посуду, расставила привезенные продукты на полках шкафа и в холодильнике.

– Стас, загляни в ванную комнату, там у них с краном неполадки. Если сможешь, устрани их, пожалуйста, – попросила Тамара Сергеевна.

Наконец бульон был сварен, порядок в квартире наведен, и супруги, распрощавшись с благодарными старушками, покинули их квартиру.

Незаметно в хлопотах и заботах промелькнуло лето. Станислав Владимирович целыми днями пропадал на работе, а Тамаре Сергеевне приходилось разрываться между городской квартирой и загородным домом с садом, требующими присмотра. Особенно трудными были выходные дни, когда на дачу приезжали дочери с семьями. Тамара стала замечать, что отношения старшей дочери Наташи с мужем не такие, как прежде, пропала теплота, взамен ее возникло отчуждение. Дочь объяснила, что у Андрея появилась другая женщина, связь с кото-

рой он скрывает. Наталья же, боясь откровенного разговора с мужем, делает вид, что ничего не знает о факте измены.

– Аленку жалко, да и тебя тоже, – вздохнула, глядя на дочь, Тамара Сергеевна. – Мне кажется, ты с ним должна вести себя так, как будто тебе ничего не известно о его пассии. А там будет видно – либо он раскроется и объяснится с тобой, либо со временем их отношения исчерпают себя.

– Но я не могу молчать, мама. Все это унижительно, тяжело, причиняет мне душевную боль.

– Потерпи, хоть пару месяцев, доченька, хотя бы из-за Аленки. Потом найдем какой-нибудь выход. Отцу пока ничего не говори. Порой он бывает импульсивен, может разругаться с Андреем.

Занятая домашними хлопотами, Тамара Сергеевна не забывала о двух старых женщинах, с которыми свела ее жизнь. Она звонила им, справлялась о здоровье, привозила продукты и лекарства. Стас пригласил к Надежде Васильевне известного в городе врача. Осмотрев больную, врач сделал вывод, что шансов на выздоровление практически нет. Только заботой и хорошим уходом можно облегчить страдания больной и продлить срок ее жизни.

Антонина Ивановна воспрянула духом и приняла участие Хлебниковых в их с Надеждой Васильевной бытовых хлопотах как подарок судьбы. Она была откровенна с супругами, советовалась с ними, прежде чем принять какое-либо решение, доверяла настолько, что однажды передала связку ключей от квартиры со словами:

– Возьмите на всякий случай, они принадлежат Наде. Пользуйтесь ими, не стесняйтесь.

Ключи действительно вскоре понадобились. Антонина Ивановна как будто предчувствовала беду, поселившуюся у порога квартиры Ольховской. Однажды, дождливым осенним вечером, Станислав Владимирович привез продукты, заказанные накануне старушкой. Он долго безрезультатно звонил и стучал в дверь, потом решил воспользоваться ключами. Хлебников открыл входную дверь и остановился, оцепенев от ужаса. В середине залитой светом прихожей на полу в луже крови лежала Антонина Ивановна, рядом валялись стремянка и куски битого стекла, а из дальней спальни раздавались всхлипывания перепуганной Надежды Васильевны. Поза лежащей женщины, ее неподвижные пустые глаза, смотревшие на стену, подсказали Станиславу Владимировичу, что она мертва.

Стас, не мешкая, вызвал неотложку, позвонил в полицию, попросил приехать к Ольховской Тамару и начал звонить в соседскую дверь. Глядя на бледное лицо перепуганной соседки, Хлебников в полной мере осознал весь трагизм произошедшего и его последствия для себя в случае необъективных выводов полиции и свидетелей. Он спокойно объяснил прибывшим врачам и полицейским сложившуюся ситуацию, а запыхавшуюся взволнованную Тамару, бросившую все свои дела и примчавшуюся к мужу, попросил успокоить Надежду Васильевну и не сообщать ей пока о смерти Антонины Ивановны.

Полицейские, тщательно осмотрев квартиру и место трагедии, пришли к выводу, что произошел несчастный случай. По всей видимости, погибшая женщина выкручивала перегоревшую лампочку из патрона люстры и, не удержавшись на стремянке, упала. Следствиями неудачного падения оказались серьезная травма головы, сломанный шейный позвонок и разбитый нос, из которого в основном и пролилась кровь. Станислав Владимирович и соседка Ольховской прошли по этому делу как свидетели. После того как санитары унесли тело, Хлебников вошел в спальню к Надежде Васильевне. Она еще не оправилась от пережитого стресса. Голова ее периодически вздрагивала, а руки судорожно сжимали ладонь Тамары Сергеевны.

– Не надо волноваться, Надежда Васильевна. Антонина Ивановна упала со стремянки, сильно ушиблась, и ее увезла неотложка, – сделал попытку успокоить старушку Стас.

– Надежда Васильевна слышала грохот падающей стремянки, беспокоилась, плакала, звала Антонину Ивановну, но та молчала. – Тамара Сергеевна внимательно посмотрела в глаза мужу.

– Соседка тоже слышала звук падающей стремянки. – Станислав Владимирович понимал, что надо как-то вывести больную старую женщину из стрессового состояния, но не находил нужных слов. – Мы сегодня не оставим Вас одну, не волнуйтесь. Вы не будете возражать, если мы переночуем у Вас? – спросил он.

Бедная Надежда Васильевна не возражала. Что ей оставалось делать? Она отлично сознавала, что теперь она не только немощная и больная, но и одинокая, никому не нужная старуха.

Наденька Ольховская родилась после революции, в далеком восемнадцатом году, когда раздираемая на куски Российская империя стонала и корчилась в муках Гражданской войны. Ее отец, Василий Яковлевич Ольховский, революционно настроенный интеллигент, был призван на фронт в самом начале Первой мировой войны. Побывав на передовой, насмотревшись на кровь и смерть, молодой унтер-офицер стал вести активную пропаганду против войны до победного конца. За призывы сложить оружие был арестован и направлен по этапу в Бутырскую тюрьму. После Октябрьского переворота Ольховский примкнул к большевикам, вступил в партию и настойчиво претворял в жизнь ее идеи. Незадолго до начала всемирной бойни Василий Яковлевич успел жениться по большой любви на молоденькой курсистке Машеньке Бекасовой, с которой после войны прожил в согласии много лет.

Память Надежды Васильевны хорошо сохранила клочки детских воспоминаний. Она помнила себя трех-, а может быть четырехлетней маленькой темноволосой девочкой в красном с белыми горошинами платье. На платье красовался воротник, отделанный кружевом, и замечательный карманчик, в котором свободно помещался кулачок Надюши, счастливой обладательницы двух голых целлулоидных пупсов и маленькой рыбки. Жили Ольховские в комнате с большой, покрытой белым кафелем печью, у которой мама Нади любила греть озябшие руки. Кроме печи вдоль стен комнаты размещались узкий платяной шкаф, широкая никелированная родительская кровать, красиво застланная узорчатым покрывалом, и старинный диван – спальное место Наденьки. В середине комнаты царствовал под бархатной скатертью большой квадратный стол со стульями. Просторная кухня запомнилась почему-то Наде полупустой. Довольно высокая прямоугольная голландская печь с двумя конфорками практически не топилась. Может быть, варить на ней было нечего или дрова сэкономили? Убранство кухни дополняли колченогий столик и узкая солдатская кровать, выкрашенная бледно-голубой масляной краской.

Надя любила подолгу наблюдать из окна второго этажа за редкими прохожими на улице, спешащими по своим делам. Ей нравилось долгими зимними вечерами сидеть с мамой у открытой печной дверки и смотреть на огонь, ласкающий потрескивающие поленья. Слушать сказки, которые читала ей мама, держа в руках старую потрепанную книжку. Наденька зачарованно слушала музыку, игру папы на скрипке, но больше всего она любила танцевать. Ее маленькие ножки двигались по паркету легко и проворно, увлеченно вычерчивали на полу незамысловатые па под ритмичные удары в ладоши отца и матери, напевавших какой-нибудь незатейливый мотив. Руки, поднятые над головой или раскинутые в стороны, не всегда поспевали за ногами, но отчетливо говорили о чувствах, переполнявших девочку в танце.

Видя хорошее сложение дочери, природную грацию, музыкальность и любовь к танцу, родители решили учить ее балету. Девятилетняя Надя, выдержав конкурсный отбор, поступила в хореографическое училище. Началась новая жизнь – вдали от дома, в интернате при хореографическом училище. Наденька тяжело переживала разлуку с родными, трудно привыкала к новым подругам и учителям, но постепенно интересы учебы захватили девочку целиком. В первый год обучения она осваивала пять позиций ног, училась делать полуприседание

и полное приседание, простейшие разновидности батмана, обрабатывала позиции рук, технику движений, скольжения. На второй год к этим упражнениям присоединились связующие движения. Надя училась простейшим скачкам и трудному искусству стояния на пальцах. В третьем классе перешла к темпам адажио и аллегро, сложным хореографическим формам, прыжкам, научилась при выполнении хореографических фигур «аккомпанировать» себе руками.

Так, последовательно, шаг за шагом, шло профессиональное развитие Надежды. Уже на втором году обучения девочку стали иногда привлекать к участию в балетных и оперных спектаклях в академическом театре. Она участвовала в закрытых спектаклях театра при училище. Публика здесь была более профессиональной и строгой. На подмостках этого театра Надежда Ольховская станцевала свой первый балет.

В последние годы учебы Надя усвоила высшие, наиболее развитые формы классического танца, обучилась пантомимным приемам, поддержке и характерному танцу. Надежда проучилась в училище семь лет. Именно в эти годы стало быстро созревать и совершенствоваться ее хореографическое дарование. Она блестяще станцевала в выпускном спектакле и была принята в качестве балерины в академический театр.

Начались трудные театральные будни. С девяти часов утра до двенадцати – неизбежные упражнения у станка, потом репетиции очередного балета, который значился в плане театра. После нескольких часов отдыха – вечерний спектакль. Кроме этого – участие в кружках, семинарах, посещение лекций, общественная работа. Надежду в театре заметили и стали ставить в сольные партии. Она танцевала па-де-труа и невест в «Лебедином озере», участвовала в таких спектаклях, как «Конек-Горбунок», «Жизель», «Пламя Парижа», «Щелкунчик». Надя занималась концертной деятельностью и танцевала на всех клубных сценах родного города. Ольховская стала пользоваться большим успехом у публики. В ее танце были напор, азарт, бесстрашие, жизнерадостность. Ей хорошо удавались прыжки и динамическое вращение. Прыжковая мазурка в «Шопениане» всегда сопровождалась громом аплодисментов.

В сороковом году двадцатидвухлетняя Надежда вышла замуж за майора, служившего в войсках НКВД – Сергея Наумовича Рейнера. Надю с Сергеем познакомила мать ее подруги по училищу, с которой Рейнер жил по соседству. Сережа был старше Нади на семь лет. Высокий голубоглазый брюнет сразу понравился Надежде. К тому же он был неглуп, в меру начитан, умел быть интересным собеседником. Он встречал Надю после спектаклей, одаривал цветами, приглашал в рестораны и после трехмесячного настойчивого ухаживания сделал наконец предложение, на которое девушка, не выдержав столь быстрого натиска со стороны Сергея, ответила согласием.

Расписавшись в ЗАГСе, молодожены поехали к Наде домой, где их ждал празднично накрытый стол. Гостей было немного: родители, несколько подруг Надежды, два товарища Сережи и восемнадцатилетняя Тоня, жившая в семье Ольховских с десяти лет. Ее, сироту, привез из командировки отец Нади, на глазах у которого были убиты отец и мать девочки. Василий Яковлевич пожалел ребенка и решил, что в его семье Антонине будет намного лучше, чем в детском доме. Девочка оказалась доброй, покладистой, сметливой. Ласковая Тоня вскоре стала в семье своей и даже в какой-то мере заменила Ольховским дочь, жившую в интернате.

После свадьбы молодожены поселились в небольшой комнате Сергея. Завтракали, чем придется, обедали на работе, ну а ужинали дома. Эти ужины затягивались допоздна не потому, что стол ломился от обилия еды. За столом делились сокровенным, спорили о работе, строили планы на будущее.

Осуществлению планов помешала война. В первые военные дни Сергей ушел на фронт. Он оборонял Тулу в составе дивизии НКВД, участвовал в боях на Северо-Западном фронте. Майора Рейнера убили поздней осенью сорок второго года в бою под деревней Багрянки, расположенной в сотне километров от Ржева. Надежда в это время жила на Урале. Она была эвакуирована туда в начале войны вместе с театром, Тоней и родителями.

Жили трудно, на скудных пайках. Чтобы как-то помочь семье, Надя стала участвовать в наспех организованных концертах. Она выступала за вечер в двух, трех таких концертах. Участники торопили конференсье, спешили, быстро переодевались, чтобы успеть с одного концерта на другой. Порой приходилось танцевать на маленьких узких сценах, с плохим освещением и неровным скользким полом. Публика принимала Надю на бис. Получавшие по карточкам еду, полуголодные и плохо одетые люди восторженно аплодировали Надежде, когда она, танцуя мазурку, перелетала сцену за три жете.

К концу войны, вернувшись из эвакуации в родной город, Ольховская снова вышла на сцену академического театра. Она тяжело перенесла смерть мужа и пыталась заглушить свалившееся на нее горе работой. Надя вступила в партию, стала неутомимой общественницей и даже добилась на этом поприще успеха, ее начали включать в работу различных бюро и комитетов.

В сорок седьмом году Надежда познакомилась с генералом армии Алексеем Павловичем Скуратовым. Однажды, возвращаясь из театра, она попала под дождь. Зябко ежась, стояла на тротуаре у автобусной остановки под потоками майского ливня. Неожиданно рядом затормозила серая машина, и седовласый военный, сидящий рядом с водителем, приоткрыл дверь.

– Девушка, садитесь в машину, мы Вас подвезем, – предложил он.

– Спасибо, Вы меня спасли от простуды. – Надя, одарив спасителя лучшей из своих улыбок, села на заднее сидение теплого салона машины.

«Победа», разбрызгивая лужи, помчалась по проезжей части улицы. Завязался легкий непринужденный разговор. Алексей Павлович – так звали военного – проводив Надежду до подъезда, предложил ей встретиться с ним еще раз. Надя не возражала.

Встречались часто, у Надежды дома или на квартире, которую снял для свиданий Алексей Павлович. Их тайная связь продолжалась целый год, и ее разглашение могло бы негативно сказаться на карьере Скуратова и репутации Нади. Беда в том, что Алексей, который был старше Надежды на двадцать пять лет, имел жену и дочь, почти ровесницу Нади. Но как говорят в народе, любовь всегда права. Летом сорок восьмого года Скуратов развелся с супругой и официально оформил свои отношения с Надей. Надежда Ольховская стала генеральской женой.

Скуратов привез молодую жену в большую трехкомнатную квартиру нового дома, был щедр, заботлив и внимателен. Он оказался заядлым коллекционером. Со временем в тщательно подобранной коллекции Алексея появились раритетные книги, картины известных художников, изящные безделушки, стоившие больших денег. Алексей любил антикварную мебель, и очень скоро квартиру украсили старинные, хорошо отреставрированные мебельные гарнитуры. Надя для Скуратова была не только объектом любви и поклонения, она была для него своего рода витриной, демонстрировавшей его жизненный успех и положение в обществе. Он дарил молодой жене дорогие ювелирные изделия, поощрял ее желание красиво и модно одеваться.

В театре с Надеждой были теперь приветливы даже те, кто в былые времена едва замечал ее при встрече. Надежда Васильевна стала ведущей балериной труппы. Ее начали приглашать в первые ряды президиума, часто просили выступить с высокой трибуны и довести до собравшихся в зале последние постановления партийного съезда. Через несколько лет известная публике солистка балета Надежда Ольховская получила звание заслуженной артистки Советского Союза.

За всей этой внешней стороной жизни стоял кропотливый труд, ежедневный тренаж и экзерсис. Они были необходимы Надежде, как систематические занятия для пианиста. Это было творчество, помогавшее ей создавать образы на сцене.

Случались падения, травмы, причинявшие балерине невероятную боль. Их трудно и долго лечили лучшие врачи и массажисты страны. Огромную душевную рану получила Надя

с уходом из жизни родителей. С годами Ольховская стала беречь свои небольшие физические силы и все реже выходила на сцену. Надежда Васильевна занялась педагогической деятельностью в училище, которое окончила много лет назад. Новая работа захватила ее, наполнила будни новым смыслом и содержанием.

Казалось, что хорошо отлаженная, стабильная жизнь Ольховской и Скуратова будет продолжаться вечно. Но неожиданно у Алексея Павловича случился сердечный приступ, и он, не дождавшись запоздавшей в дороге неотложки, умер у себя дома на руках у жены. Скуратов, будучи уже отставным генералом, неторопливо прожил последние двадцать лет своей жизни. Он занимался общественной деятельностью в Совете ветеранов войны и, помимо доброй памяти сослуживцев, родных и близких, оставил после себя несколько книг, связанных с профессиональной деятельностью, а также мемуары, позволявшие понять глубокий внутренний мир этого непростого, богатого жизненным опытом человека.

В девяностом году, когда отошавшая и измученная затянувшейся перестройкой страна сидела на продовольственных талонах, Надежда Васильевна вышла на пенсию. Она теперь жила с Антониной, ставшей для нее самым близким человеком. Вместе они выстаивали длинные очереди за простыми, но необходимыми продуктами, наблюдали за толпами митингующих на улицах людей, со слезами смотрели на экране телевизора кадры с пылающим Домом Правительства в Москве, штурмом Телецентра в Останкино, танками и трупами на московских улицах.

– Боже мой, до чего мы дожили, – вздыхали Надежда с Антониной. – Чем все это закончится?

Закончилось все это буржуазной революцией, началом развития рыночной экономики и приватизацией. В городе стихийно стали возникать рынки, появилось много безработных. Лишившиеся работы инженеры, научные работники, артисты становились торговцами. Наиболее предприимчивые люди – челноки – сами ездили за границу, привозили товар и потом реализовывали его на местных рынках. Рабочие, служащие, шахтеры, военные месяцами не получали зарплату. Многим вместо денег выдавали изделия, производимые на предприятиях, где они работали. Продать на рынке такой товар порой было очень трудно. Пенсионерам на долгое время задерживали выплаты пенсий.

Спекулянты, фарцовщики, презираемые в советское время, стали предприимчивыми людьми, имеющими начальный капитал. Появились «новые русские», многие из которых грабежами, убийствами и разбоем наживали свой первый миллион. Бывшие комсомольские лидеры и коммунисты, сдавшие партбилеты, действовали по-крупному, деля между собой банки, промышленные и сельскохозяйственные предприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.